

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Канафьева А.В.</i> КАТЕГОРИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В РИТОРИЧЕСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ.....	5
<i>Коренева Ю.В.</i> ОНИМЫ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ПРЕПОДОБНИЧЕСКОГО ЖИТИЯ.....	11

Публикации аспирантов

<i>Барышева Ю.Н.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ С КНИЖНЫМ АТТРИБУТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ).....	16
<i>Богданова М.А.</i> ХОРОШО — НАРЕЧИЕ.....	20
<i>Васильева О.Н.</i> БИБЛЕЙСКИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В РОМАНЕ В.С. МАКАНИНА «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ».....	26
<i>Красоткина Е.Ю.</i> ЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СДВИГА В ЭТИМОЛОГО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ С ДОМИНАНТОЙ ЧАСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	34
<i>Цзюй Хайна</i> ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	40

ЛИТЕРАТУРА

<i>Михайлова И.П.</i> ПОЭТ В.В. БОРОДАЕВСКИЙ О «РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАВДЕ» К.Н. ЛЕОНТЬЕВА	44
--	----

Публикации аспирантов

<i>Гаврилова А.Е.</i> СПОРЫ О НАРОДНОСТИ НА СТРАНИЦАХ «РУССКОЙ БЕСЕДЫ» И «РУССКОГО ВЕСТНИКА» (1856-1857 гг.).....	49
<i>Гельт М.Е.</i> ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ГЕРОЯ-НАСТАВНИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. МАННА И Г. ГЕССЕ.....	56
<i>Капралова И.Г.</i> ПОВЕСТЬ В.М. КОЛОСОВА «ПРОГУЛКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ МОНАСТЫРЯ СИМОНОВА» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ НАЧАЛА XIX В.....	62

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СЛОВО. СЛОВАРЬ. СЛОВЕСНОСТЬ: (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. И. ГЕРЦЕНА)».....	67
---	----

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию И. А. Киселёвой «Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система». (М.: Московский государственный областной университет, 2011. – 313 с.).....	69
«Река жизни Виктора Астафьева».....	71
НАШИ АВТОРЫ.....	75

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

- A. Kanafieva.** CATEGORY OF TEMPORALITY IN RHETORICAL EXPRESSION 5
Y. Koreneva. PROPER NAME IN THE CONCEPTOSPHERE OF HAGIOGRAPHY..... 11

Publications of post-graduate students

- J. Barysheva.** FUNCTIONING OF STEADY COMBINATIONS WITH THE BOOK ATTRIBUTE (ON THE WRITTEN MONUMENTS OF VLADIMIR REGION) 16
M. Bogdanova. ХОРОШО — THE ADVERB 20
O. Vasilyeva. BIBLICAL INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN V. MAKANIN'S NOVEL "UNDERGROUND, OR THE HERO OF OUR TIME" 26
E. Krasotkina. THE PHENOMENON OF SEMANTIC SHIFT IN THE ETYMOLOGICAL AND WORD-FORMING WORD FAMILY WITH THE DOMINANT ЧАСТЬ IN THE RUSSIAN LANGUAGE 34
T. Haina. THE IMAGES OF TIME IN RUSSIAN PHRASEOLOGY..... 40

LITERATURE

- I. Mikhaylova.** POET V. BORODAYEVSKY ON «RELIGIOUS TRUTH» OF K. LEONTYEV 44

Publications of post-graduate students

- A. Gavrilova.** THE DEBATE ABOUT THE NATION ON PAGES OF "THE RUSSIAN COLLOQUY" AND "THE RUSSIAN MESSENGER" MAGAZINES (1856-1857S) 49
M. Gelt. TYPOLOGICAL FEATURES OF AN IMAGE OF MENTOR IN WORKS OF T. MANN AND H. HESSE..... 56
I. Kapralova. V. KOLOSOV'S STORY "WALK AROUND SIMONOV MONASTERY" IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN HISTORICAL PROSE OF EARLY 19TH CENTURY 62

THE SCIENTIFIC LIFE

- Herzen's conference on account of birthday of A.I. Herzen 67

REVIEW

- REVIEW OF THE I. KISELEVA'S MONOGRAPH «WORKS OF M. LERMONTOV AS A RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL SYSTEM.» (MOSCOW: MOSCOW STATE REGIONAL UNIVERSITY, 2011. - 313 P.) 69
«THE RIVER OF LIFE OF VICTOR ASTAFYEV» 71
OUR AUTHORS 75

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81'367. 322

Канафьева А.В.

Московский государственный областной университет

КАТЕГОРИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В РИТОРИЧЕСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

A. Kanafieva

Moscow State Regional University

CATEGORY OF TEMPORALITY IN RHETORICAL EXPRESSION

Аннотация. В статье характеризуется многообразие способов представления синтаксического времени в риторических высказываниях, которые являются специфическими синтаксическими конструкциями, имеющими условно вопросительную форму, комплекс прономинальных и партикулярных формантов, особую интонацию, сложную, многоплановую семантику. Синтаксическое время в различных моделях представлено морфологически, конструктивно-синтаксически, интонационно-синтаксически. В риторическом высказывании временные глагольные формы нередко употребляются в переносном значении в соответствии с контекстуальной обусловленностью. Исследование категории темпоральности риторических высказываний позволяет сделать вывод о том, что для них характерно обобщённое значение синтаксического времени.

Ключевые слова: риторическое высказывание, темпоральность, синтаксическое время, временная парадигма, обобщённое значение.

Abstract. The article is devoted to the diversity of the ways of the representation of the syntactic time in the rhetorical expressions, that are specific syntax constructions that have an interrogative form, a complex of pronominal and particular formants, a specific intonation and a complicated semantics. Syntactic time in different models can be represented by morphological means, constructive and syntactical means, intonation and syntactical means. In the rhetorical expression temporal verbal forms are often used in the figurative meaning. The study of the category of temporality of the rhetorical expressions allows to suggest that they are characterized by the generalized meaning of syntactic time.

Key words: rhetorical statement, temporality, syntactic time, time paradigm, generalized value.

Как известно, установление значения синтаксического времени как настоящего, прошедшего, будущего осуществляется относительно момента речи, которое А.М. Пешковский определял как «момент речевого сознания» [8, с. 106].

«Осевой формой» глагольных времён является настоящее, совпадающее с моментом высказывания: «Темпоральность возникает в акте высказывания и через высказывание. Вы-

© Канафьева А.В., 2013.

сказыванию обязана своим появлением категория настоящего, а из категории настоящего рождается категория времени. <...> непрерывность и темпоральность рождаются в непрерывно длящемся настоящем акта высказывания – настоящем самого бытия, и разграничиваются посредством внутренней референции на то, что вот-вот станет настоящим, и то, что только перестало им быть» [1, с. 315].

Синтаксическое время в риторическом высказывании находит выражение в глагольных формах, в связочных компонентах, в интонационно-структурной организации, во временном плане контекста, включающего риторическое высказывание.

Морфологическое выражение категория времени получает:

1) в прономинально-инфинитивных риторических высказываниях;

2) в риторических высказываниях, имеющих структуру двусоставного предложения с финитными предикатными глагольными формами.

В прономинально-инфинитивных риторических высказываниях временная парадигма возможна за счёт связочного компонента *быть*: *Кого позвать мне? С кем мне поделиться той грустной радостью, что я остался жив?* (С. Есенин) – значение будущего времени; *Кого было позвать мне? С кем было поделиться мне?* – значение прошедшего времени.

В риторических высказываниях второй группы полная временная парадигма отмечается у имперфективных глаголов и двучленная (прошедшее и будущее время) у перфективных: *Как мог я подумать? Как могу я подумать? – Как смог я подумать? Как смогу я подумать?* Ср.: *Конечно, она меня погубила, да разве она мне зла желала?* (И. Бунин) – временная согласованность: имперфективное прошедшее как неожиданный результат перфективного прошедшего. Ср.: *Конечно, я не дал тебе счастья, но разве не желал этого?*

Временная последовательность, временной континуум, «ход» времени, расстав-

ляющий свои акценты, устанавливаются в контексте. В отрыве от него глагольные временные формы могут пониматься неоднозначно. А.Ф. Лосев отмечал, что «<...> глагольная форма времени в объективном смысле может обозначать всё, что угодно, т. е. вообще любое время, и только понимает данное время в одном определённом направлении и хочет сообщить его другому сознанию в одном определённом понимании». Употребление временных глагольных форм в переносном значении он расценивал как проявление двойной направленности сознания: с одной стороны – теоретической, абстрактной, а с другой – практической, интерпретативной, коммуникативной [7, с. 212].

По В.В. Виноградову, синтаксическое значение времени выражается не только морфологически, но может создаваться ситуацией и контекстом речи [3, с. 268].

Рассмотрим это на конкретном тексте: [Чацкий] *Ну вот и день прошёл, и с ним Все призраки, весь чад и дым Надежд, которые мне душу наполняли. Чего я ждал? Что думал здесь найти? Где прелесть эта встреч? Участье в ком живое? Крик! Радость! Обнялись! – Пустое* (А. Грибоедов). Морфологическими средствами, глагольными формами прошедшего времени *прошёл, наполняли, ждал, думал (найти)*, выражено прошедшее время. План прошедшего имеет «распределительный» характер: лексемы *наполняли, ждал, думал* обозначают незавершённое действие, имевшее место в прошлом, предшествовавшее отрезку времени, определённому лексемой *день (прошёл)*; синтаксическое время риторических высказываний: *Где прелесть эта встреч? Участье в ком живое?* – определяется конструктивно-синтаксически и контекстом как прошедшее, результат которого осознаётся говорящим в настоящем. Отсутствие глагольной формы в риторическом высказывании не означает невыраженности синтаксического времени. Для высказывания значимо и это отсутствие, поскольку для выражения категорий предикативности (модальности, времени и лица) в русском языке

существуют не только морфологические, но и конструктивно-синтаксические и интонационно-синтаксические способы.

Конструктивно-синтаксически категория времени выражается в номинативных риторических высказываниях. По замечанию А.В. Бондарко, «синтаксическая конструкция (синтаксическая форма выражения временного значения) безусловно является собственно грамматическим средством» [2, с. 490]. Синтаксическое время в номинативных предложениях обычно квалифицируется как недискретное настоящее [2, с. 490], имперфективное экзистенциальное настоящее [10, с. 85].

В номинативных риторических высказываниях эти характеристики синтаксического времени корректируются и дополняются. Сохраняя в целом качества и недискретного, и экзистенциального настоящего, оно приобретает значения и прошедшего, и будущего.

Значение **настоящего** синтаксического времени имеют прономинально-номинативные риторические высказывания с компонентом **откуда**: *Откуда такая нежность?* (М. Цветаева); *Его мучило: Откуда всё же такая ненависть к нему?* (А. Толстой) Конструкция имеет значение констатации в момент речи какого-то внезапного, необъяснимого состояния говорящего, вызывающего его недоумение, наступившего вопреки его ожиданию. Вероятно, то, что имело место в прошлом, не предвещало этого состояния в настоящем. Прошедшее переплетено с настоящим: предопределяет его, формирует восприятие, оценки и выводы. Становление, возникновение состояния имеет фазисный, динамический характер.

Значение **прошедшего** времени имеют прономинально-номинативные риторические высказывания с компонентом **где**: *Где прелесть эта встреч?* (А. Грибоедов). Ср.: *Где радость (счастье, любовь, нежность, преданность, надежда, мечта и др.)?* В функции предиката выступают лексемы отвлечённой семантики, являющиеся номинациями духовно-нравственных потребностей, устрем-

лений личности, не реализованных во времени. Вся конструкция имеет значение обнаружения говорящим утраты чего-то, что или имело место в прошлом, или не состоялось, вопреки его надеждам. Синтаксическое время представлено как взаимосвязь ожидавшегося, но не состоявшегося.

Значение прошедшего времени имеют и риторические высказывания, в которых выражается несоответствие прошлого настоящему: *Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий, – За ними чернозём, равнины скат отлогий, – Над ними серых туч густая полоса. Где нивы светлые? Где тёмные леса? Где речка? На дворе у низкого забора Два бедных деревца стоят в отраду взора, Два только деревца* (А. Пушкин) – ретроспективный временной план, способствующий актуализации плана прошедшего.

В номинативных риторических высказываниях, отражающих этапы обдумывания говорящим возможных, но часто им самим и отвергаемых «шагов» на пути к постижению цели, потенциальное время приобретает характер будущего: *Ревность? Но ревность не в счёт! Миценьё? Но миценьё не в счёт! Яд? Но по кодексу гневных Самоубийство не в счёт! Бегство? Но бегство не в счёт!* (Б. Пастернак). В научной литературе конструкции: *Ревность? Миценьё? Яд? Бегство?* – рассматриваются как именная тема. Мы полагаем, что это упрощённый подход к определению их статуса. Они являются единицами риторического высказывания, представляющего собой типизованное построение со сложной модальной семантикой. Это вербализованное обдумывание в непростой ситуации, включающее предположения, альтернативные намерения, отражающее опасения, растерянность, сопротивление чьей-то воле и др. Говорящему необходимо что-то предпринять, чтобы изменить существующее положение дел. Такие риторические высказывания, на наш взгляд, можно отнести к конструкциям, имплицитно выражающим «темпоральную отнесённость ситуации или её элементов к будущему» [9, с. 58].

В негативнооценочных риторических конструкциях, включающих риторическое высказывание с прономинальным компонентом *что* в функции предиката, выражено **обобщённое** синтаксическое время [11, с. 53]: оценочное содержание приобретается опытом, проверено временем и является следствием того, что имело место в прошлом. Оно безапелляционно оценивается говорящим в настоящем, имеет отнесённость «к плану настоящего времени, расширенному и обобщённому до глобальных масштабов...» [9, с. 31]: *Что слава мира?.. Дым и прах* (А. Пушкин). Ср.: *Слава мира есть (это) дым и прах; Что жизни сон глухой? Отрава – вслед иной траве...* (А. Блок). Ср.: *Жизни сон глухой есть (это) трава – вслед иной траве.* Метафорическое оценочное содержание предиката эксплицируется второй частью риторической конструкции. Средствами выражения обобщённого синтаксического времени является и сама двучастная конструкция, и лексические предикатные средства отвлечённой семантики, имеющие метафорический характер, и внутритекстовые связи, и интенция говорящего.

Обобщённое значение имеет синтаксическое время в обобщённо-личных партикулярных риторических высказываниях: *Этой малостью Разве будешь сыт?* (М. Цветаева); *Разве отсюда вырвешься?* (К. Паустовский); *Ты напрасно мне под ноги мечешь И величье, и славу, и власть. Знаешь сам, что не этим излечишь Песнопения светлую страсть. Разве этим развеешь обиду? Или золотом лечат тоску?* (А. Ахматова); – *Если хотите, я вас представлю... – Помилуйте! – сказал я, всплеснув руками: – разве героев представляют? Они не иначе знакомятся, как спасая от верной смерти свою любезную...* (М. Лермонтов). Риторическое высказывание рождено личным опытом говорящего, сложившимся на основе повторявшихся в прошлом действий, не приведших к желаемому результату. Действие репрезентировано глагольными формами второго лица единственного числа или третьего лица множественного числа.

Само употребление этой формы в высказываниях от первого лица есть проявление грамматической асимметрии.

В некоторых моделях риторических высказываний значение обобщённого синтаксического времени приобретают глагольные формы настоящего, прошедшего, будущего времени. Например: *И кто отважится пойти против точных утверждений науки?* (А. Куприн) – аналитическая глагольная форма будущего времени *отважится пойти* имеет значение **обобщённого времени**. Ср. также: – *Я вас, майор, не понимаю. Нешто можно благородного человека с галкой сравнивать?* (А. Чехов). Переносное употребление морфологических временных форм глагола обусловлено высокой степенью афористичности и метафоричности риторических высказываний. Выражаемое ими действие возведено в ранг обязательного, предопределённого законами логики и здравого смысла, предписываемого ими любому субъекту, а значит, всем.

В значении настоящего времени могут быть употреблены глагольные формы будущего времени: – *Мне нужно застрелиться. Но у меня на это нет сил, к чему тебе, мой Бог, я буду лгать? К чему тебе я буду лгать, моё отражение?* (М. Булгаков)

Значение контекстуального будущего синтаксического времени получают инфинитивные риторические высказывания с союзом *чтобы*, представляющие собой перспективу, неприемлемую для говорящего, навязываемую или предсказываемую кем-то: *Татьяна Марковна изменилась в лице. – Иван Иванович! – сказала она с упрёком – за кого вы нас считаете с Верой? Чтобы заставить молчать злые языки, заглушить не сплетню, а горькую правду, – для этого воспользоваться вашей прежней слабостью к ней и великодушием? И потом, чтоб всю жизнь – ни вам, ни ей не было покоя! Я не ожидала этого от вас!..* (А. Гончаров)

Интонационно-синтаксический способ выражения темпоральной семантики имеют инфинитивные риторические высказывания,

в которых отсутствуют прономинальные и партикулярные компоненты: **И за такового человека выходить замуж?! Жить с ним?! Удивляюсь! Такая нравственная девушка и ... на тебе!** (А. Чехов) Временной план подобных риторических высказываний в силу неспособности к этому инфинитива морфологически не выражен. В сущности, он и не является для них релевантным признаком: «такие высказывания содержат сообщение о действии, реальность которого воспринимается как нечто заданное, известное, время его реализации для данного сообщения совершенно неактуально, а центр его – оценка данного действия, состояния говорящим» [4, с. 119]. Модально-временное значение недопустимости действия, как не соответствующего понятиям о нравственности, имеет интонационный способ выражения. Контекстуально в этих риторических высказываниях может определяться любое из трёх времён: настоящее, если момент речи совпадает с фактом инфинитивного действия; прошедшее, если действие уже состоялось и говорящему известны некоторые обстоятельства жизни адресата; будущее, если говорящий располагает какими-то негативными сведениями о третьем лице, с которым связаны намерения адресата.

Человек живёт во времени, ощущает его быстротечность. Живя в настоящем, вспоминает прошлое, со страхом заглядывает в будущее, иногда сопротивляясь высшей воле, судьбе, иногда безропотно принимая её. Эта связь времён особенно ощутима в тексте: **Я спокойна, и богу известно, что всегда смотрела и смотрю на смерть как на переход к жизни лучшей; но отчего же слёзы давят меня?.. Зачем лишать детей любимой матери? Зачем наносить тебе такой тяжёлый, неожиданный удар? Зачем мне умирать, когда ваша любовь делала для меня жизнь беспредельно счастливою? Да будет его святая воля** (Л. Толстой). Неотвратимость и неизбежность предстоящего, план будущего представлен имперфективными глаголами в инфинитиве: *лишать, наносить*

(удар), *умирать*. Этими глагольными формами репрезентируется ситуация перехода в иное состояние. Относительно момента речи они имеют значение будущего времени.

Устанавливая временную отнесённость события, явления, мы задаём собственно вопрос, употребляя вопросительное местоимённое наречие *когда*. В риторическом высказывании оно не означает намерения установить точную темпоральную отнесённость: **Было время, что мы невпопад вздыхали по-стерновски, потом любезничали по-французски, теперь залетели в тридевятую даль по-немецки. Когда же попадём в свою колею? Когда будем писать прямо по-русски? Бог вест!** (А. Бестужев-Марлинский) – здесь закодировано длительное, но безрезультатное к моменту речи ожидание реализации духовно-нравственных потребностей личности.

Категория синтаксического времени в риторических высказываниях при разнообразных способах выражения, далеко не полностью представленных в данной статье, в целом характеризуется обобщённым значением. Причину этого мы видим в афористичности риторических высказываний, в субъективности их семантики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
3. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка) / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 254 – 294.
4. Гехтляр С.Я. Русский инфинитив: категориальная характеристика, функционирование. – СПб, 1996. – 178 с.
5. Канафьева А.В. Риторическое высказывание: форма и семантика // Филологические науки. – М., 2010. – № 2. – С. 13 – 21.
6. Лекант П.А. Категория рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестник МГОУ. – Серия «Русская филология». – 2012. – № 5. – С. 44 – 48.

7. Лосев А.Ф. О коммуникативном значении грамматических категорий // Статьи и исследования по языкознанию и классической филологии: Учёные записки МГПИ им. В.И. Ленина. – М., 1965. – № 234. – С. 212 – 216.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении: Учебное пособие. Изд. 8-е. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 432 с.
9. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – СПб: Наука, 1990. – 262 с.
10. Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в русском языке: Монография. – М.: МПУ, 2000. – 151 с.
11. Шаповалова Т.Е. Особенности выражения категории синтаксического времени в простом предложении // Вестник МГОУ. – Серия «Русская филология». – Вып. 1. – М., 2004. – С. 51 – 54.

УДК 811. 161.1'37: 075.8

Коренева Ю.В.

Московский государственный областной университет

ОНИМЫ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ПРЕПОДОБНИЧЕСКОГО ЖИТИЯ

Y. Koreneva

Moscow State Regional University

PROPER NAME IN THE CONCEPTOSPHERE OF HAGIOGRAPHY

Аннотация. В статье говорится об использовании онимов в концептосфере преподобнического жития. Онимическая лексика рассматривается через призму макроконцепта агиографии «Святой/Святость». Дается классификация агионимов – имён святости в житии святого, также анализируется их функциональность в житийной концептосфере, устанавливается специфика агионимических номинативных формул. Оцениваются особенности функционирования в пространстве преподобнического жития теонимов, агиоантропонимов, экклезионимов, а также их семантические отношения с апеллятивными единицами, выступающими как синонимическая замена онимам.

Ключевые слова: оним, апеллятив, агионим, концептосфера, житие, номинативная формула.

Abstract. The article deals with the use of proper name in the hagiographies. The proper names are analyzed through the prism of hagiographic concept "Holy/Holiness". The author presented the classification of hagionyms, proper names of holiness, and analyzed the functionality of such words in the hagiographic sphere of concepts. The author establishes the specific of nominative formulas of proper names of holiness, analyzes functions of different proper names in sphere of hagiography, determines semantic relations to common noun.

Key words: proper name, common noun, proper name of holiness, sphere of concepts, life, nominative formula.

В агиографической концептосфере, выстраиваемой вокруг макроконцепта «Святой/Святость», система концептов включает в свой состав и имена собственные, онимы, изучение которых в данном, лингвокогнитивном и лингвокультурологическом, ключе представляется особо актуальным, поскольку об их функциональности и структуре в пространстве житийной литературы современная лингвистическая наука ещё не говорила. Наш языковой материал – жития русских преподобных старцев – реализует собой лишь часть агиографической концептосферы по классификационному признаку «духовный подвиг – тип святости», поэтому логично предположить, что онимическая составляющая концептосферы агиографии будет различной в каждом типе жития, будь то княжеское житие, мученическое, житие святителя или блаженного/ юродивого. Все онимы агиографического жанра «составляют ономастическое поле, объединённое значением святости» [1, с. 9]. Наполнение онимического поля агиографии также будет зависеть от времени подвига и конкретных обстоятельств жизни святого человека. Онимы, концептуализирующие значение святости, называются **агионимами**, которые трактуются как «составное наименование, служащее для называния лиц или объектов, на которых почивает благодать Божия или святость через чин прославления или освящения» [1, с. 9]. Агионимы в агиографической концептосфере можно разделить на 3 группы по векторам реализации святости (классификация по: [1, с. 24]):

1. Теонимы;
2. Агиоантропонимы – имена святых людей;
3. Наименования реалий материальной религиозной культуры;
 - 3.1. Агиотопонимы – наименования географических объектов;
 - 3.2. Экклезионимы – наименования монастырей и храмов;
 - 3.3. Иконимы – наименования икон;
 - 3.4. Эортонимы (геортонимы) – наименования церковных праздников.

С учётом определения агионима включение в данную классификацию теонимов условно, т. к. это отдельная большая группа лексем, не получившая в лингвистике ни достаточного описания, ни окончательного терминологического понимания. «Первая задача, которую необходимо решить при изучении теонимической лексики любого из языков христианского мира, – это составление по возможности полного списка слов, принадлежащих к этой лексико-тематической группе» [7] (по этому вопросу и о теолингвистике также см.: [2]). Вероятно, а для нас очевидно, что теонимическая лексика должна анализироваться только в рамках конкретной конфессиональной концептосферы. Это позволит избежать как денотативной, так и сигнификативной эклектики в её изучении (по этой проблеме см.: [4; 10]). «Теонимы русского языка могут быть распределены по группам в соответствии с особенностями их плана выражения, в соответствии с частотностью их употребления, в соответствии с их денотативной и сигнификативной соотносённостью» [6]. «Таким образом, с точки зрения денотативной соотносённости мы можем выделить пять групп теонимов: слова, обозначающие Бога в целом, без выделения какой-либо Его ипостаси; слова, обозначающие первую ипостась Святой Троицы – Бога-Отца; слова, обозначающие вторую ипостась Святой Троицы – Бога Сына; слова, обозначающие земное воплощение второй ипостаси Святой Троицы – Иисуса Христа; слова, обозначающие третью ипостась Свя-

той Троицы – Святого Духа» [6]. Для русской агиографической концептосферы целесообразно в группу теонимов включить и онимы Богородица/Божия Матерь, Ангел-хранитель, объединяя все эти номинации в группу «слова, именующие Бога и другие Небесные силы – теонимы (Бог, Господь, Иисус Христос, Сын Божий, Отец Небесный, Святая Троица, Богородица, Дева, Ангел Божий и т. д.)» [4, с. 32].

Считается, что ядро лексического значения слова составляет сигнификативная сторона, т. е. понятийное содержание [5, с. 262, 444]. Имя собственное, со стандартных позиций, лишено сигнификата, обладает только денотатом и коннотациями. Это положение вызывает определённые возражения со стороны учёных, т. к. множество собственных имён становится частью культурного и, следовательно, языкового сознания нации, приобретая тем самым концептуальный статус, т. е. такое имя собственное выражает не только понятие, но свидетельствует о наличии концепта в сознании народа (А.С. Пушкин, Россия и проч.). «Согласно одному из известных семантических законов, денотативный объём сигнификативного значения обратно пропорционален его содержанию, т. е. степени его сложности (количеству содержащихся в нём семантических признаков). Собственное имя, обозначающее один единственный референт, является тем самым предельно ограниченным в своём денотативном объёме, откуда должно следовать, в соответствии с приведённым законом, наличие у него не просто *какого-то* сигнификативного значения, но *предельно содержательного*» [9, с. 172].

Применительно к религиозной православной концептосфере следует с уверенностью утверждать, что агионимы в целом и имена святых, агиоантропонимы, в частности, **всегда выражают понятие**, что каноническое имя человека всегда мотивированно, несёт в себе лингвокультурную информацию. Имя собственное вообще и в агиографическом произведении в част-

ности – это не только сильный знак текста, скрепа повествования, но и лингвокультурный комплекс, обладающий сложной стратификацией. «Слоёность» имени собственного в агиографической концептосфере развивается в текстовом пространстве, поэтому возникают как синонимические отношения между, например, онимом *Оптина пустынь* и апеллятивами *монастырь*, *обитель*, так и отношения субституции: апеллятив *обитель/монастырь* в пространстве жития и в определённых контекстах имеет только одну трактовку – именно данный монастырь, а не любой.

- *Поручая духовному окормлению старца Амвросия некоторых из братии, преподобный Макарий знакомил его и с некоторыми боголюбивыми посетителями обители, искавшими окормления* [8, с. 225]*

* (примеры и статистика даются по тексту жития преподобного Амвросия, старца Оптинского, в книге: [8, с. 215-251]).

Подобные отношения, вероятно, можно интерпретировать в понятиях категории определённости/неопределённости, в русском языке не имеющей прямого грамматического воплощения. Апеллятивное слово, по сути имеющее обобщающий характер, используется в функции онима, часто при этом для сохранения онимического статуса пишется с прописной буквы:

- *В Скиту он целый год был помощником повара* [8, с. 221].

Такой же подход в агиографическом тексте видим и в употреблении лексем *старец* и *преподобный*, которые заменяют собой в контексте полную онимическую формулу обозначения святого человека:

- *Затем, после краткого отдыха, Старец слушал часы: 3-й, 6-й с изобразительными и, смотря по дню, канон с акафистом Спасителю или Божией Матери, каковы акафисты он выслушивал стоя* [8, с. 226];

- *Среди благодатных духовных дарований Преподобного, привлекавших к нему тысячи людей, следует в первую очередь упомянуть о прозорливости* [8, с. 228].

Возможна иная трактовка данного явления: номинативная формула сворачивается по метонимическому принципу, когда тот или иной агионим, в частности, агиотопоним, например *Серафимо-Дивеевский монастырь* употребляется как *Дивеево*, *Свято-Введенская Оптиная Пустынь* – как *Оптина*:

- *В той же Тамбовской епархии, в селе Троекурове, проживал известный в то время подвижник Иларион. Александр Михайлович [прп. Амвросий Оптинский] пришёл к нему за советом, и старец сказал ему: “Иди в Оптину – ты там нужен”* [8, с. 219].

Качество метонимической сворачиваемости/разворачиваемости формульного наименования монастыря имеет выход в синонимии (см. выше): *монастырь* – *обитель* – *пустынь*, когда одна из апеллятивных единиц может выступать в качестве полной замены наименования монастыря, в пространстве житийного текста понимаемого однозначно – не просто монастырь, как организация, место и монахи, а именно определённый монастырь, о котором говорится в предыдущих контекстах.

Сворачиваемость наименования – его эллиптичность – обусловлена, на наш взгляд, психологически, т. е. имеет психолингвистическую основу. И.В. Бугаева такие эллипсы называет редуцированными формами и присваивает им разговорно-просторечную окраску [1, с. 105]. В пространстве житийного текста – преподобнического жития в нашем случае – говорить о разговорно-просторечном характере подобных сокращений не приходится. Причина употребления кратких форм иная: во-первых, это связано с экономией речевых усилий и, во-вторых и в-главных, это связано с процессами концептуализации значений: в контексте уже понятно, что речь идёт о конкретном монастыре, сам апеллятив концептуализирован как имя собственное, в нём актуализирована именно онимическая составляющая, поэтому нет необходимости именовать его каждый раз полностью.

По указанной выше классификации онимов в пространстве преподобнического жития используются:

1) Теонимы (42 словоупотребления):

Бог (16), Господь (14), Царь Небесный (1), Божие (-ий, -ия) (6), Спаситель (1), Божия Матерь (3), Ангел-хранитель (1)

- ... как бы ожидая зова Божия [8, с. 218];
- ... пламенно молился **Божией Матери** просветить его ум и направить его волю [8, с. 219];
- Этот перелом в течении болезни был явным **действием силы Божией**, а сам старец Амвросий впоследствии говорил: «Милостив **Господь!**» [8, с. 222];
- ... канон с акафистом **Спасителю и Божией Матери** [8, с. 226].

2) Агиоантропонимы (165 словоупотреблений):

старец/ отец/ монах + имя преподобного старца, полная формула агиоантропонима в житии: <чин святости + имя + дифференциатор> (подробнее об агиоантропонимах в концептосфере жития: [3, с. 182])

- **Великий Оптинский старец преподобный Амвросий** родился 23 ноября 1812 года в селе Большая Липовица Тамбовской губернии в семье пономаря Михаила Феодоровича и жены его Марфы Николаевны Гренковых [8, с. 217];
- **Преподобный Лев** особенно любил молодого послушника, ласково называя его *Сашей* [8, с. 221];
- Несмотря на болезнь, **отец Амвросий** остался по-прежнему в полном послушании у **Старца**, даже в малейшей вещи давал отчёт ему [8, с. 223].

3) Экклезионимы (30 словоупотреблений):
монастырь (+ синонимия) (24), собор (2), скит (4)

- ... отправился на богомолье в **Троице-Сергиеву Лавру** поклониться игумену земли Русской преподобному Сергию [8, с. 219];
- ... окончивший жизнь на покое в **Оптиной**... [8, с. 224];
- ... до отъезда в **Шамордино**... [8, с. 225];
- ... женская **Казанская пустынь** ... [8, с. 236];
- ... настоятель **Оптиной Пустыни** преподобный Исаакий... [8, с. 236];
- Заупокойная Литургия с чином отпевания была совершена во **Введенском Соборе Оптиной Пустыни** [8, с. 237].

4) Иконимы (1 словоупотребление):

• была привезена чудотворная **Калужская икона Божией Матери** [8, с. 227].

5) Агиотопонимы (нет словоупотреблений).

6) Эортонимы (геортонимы) (нет словоупотреблений).

Отдельно требуется сказать об отношениях в текстовом пространстве жития экклезионимов и агиотопонимов, поскольку эти два типа онимов имеют пересекающиеся поля в сигнификативной зоне языкового знака. Номинация монастыря, храма в языковом сознании и автора, и читателя жития связана с восприятием освящённости самого места, где располагается данный монастырь или храм. Номинация *Оптина Пустынь* в сознании православных верующих – не только название монастыря, одного из многих, но и концепт, имеющий наряду с другими в своём семантическом объёме компонент «святое место». Также заметим, что локальный компонент, дифференциатор, часто содержится в полной номинативной формуле агиоантропонима.

Таким образом, онимическое поле преподобнического жития наполняется всеми типами агионимов, но наиболее обширные группы составляют агиоантропонимы и теонимы, что закономерно, поскольку житие святого в православной концептосфере и антропоцентрично, и христороцентрично одновременно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бугаева И.В. Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ: Монография. – М., ФГОУ ВПО РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2007. – 138 с.
2. Гадомский К. Александр. Русская теолингвистика: история, основные направления исследований. [Электронный ресурс] // Библиотека сербской культуры «Растко»: [сайт]. URL: //www.rastko.rs/filologja/stil/2010/27Gadomski.pdf (дата обращения 10.10.2011).
3. Коренева Ю.В. Агиоантропонимы жития преподобного: специфика структуры и семантики (житие Авраамия Смоленского и собор Смоленских святых)// Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города). Сборник статей по материалам докладов и сообще-

- ний конференции. (Смоленск, 4-5 октября 2012 года). – Смоленск: Маджента, 2012. – С. 181-186.
4. Коренева Ю.В. Тематическое своеобразие религиозной лексики в русских житиях святых// Актуальные вопросы изучения духовной культуры: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XII Кирилло-Мефодиевские чтения». 17 мая 2011. – М.; Ярославль: Ремдер, 2011. – 176 с. – Посвящается 45-летию Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. – с.30–34.
 5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.: ил.
 6. Мусорин А.Ю. К вопросу о классификации неокказиональной христианской теонимической лексики русского языка// Кросс-культурный подход в науке и образовании. – Вып. 5. – Новосибирск, 2010. – С. 203-206. [Электронный ресурс] // Filolgy.ru [Сайт]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/musorin-10.htm> (дата обращения 24.07.2011).
 7. Мусорин А.Ю. Общие проблемы изучения теонимической лексики языков христианского мира// Российские немцы. – Новосибирск, 2008. – С. 221-230. [Электронный ресурс] // Filolgy.ru [Сайт]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/musorin-08b.htm> (дата обращения 24.07.2011)
 8. Преподобные Оптинские старцы. Жития и наставления. Изд. 2-е. Свято-Введенский монастырь Оптина Пустынь, 2004. – 512 с.
 9. Сильницкий Г.Г. Структура сигнификативного значения// Восьмые Поливановские чтения. Сборник статей по материалам докладов и сообщений конференции. Часть 3. Слово в тексте. Лексикография как источник информации для лингвистических исследований. Смоленск, 2-3 октября 2007 года. – Смоленск: СмолГУ, 2007. – С. 168-185.
 10. Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. – Новосибирск, 2001. – 88 с. [Электронный ресурс] // Filolgy.ru [Сайт]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/timofeev-01.htm> (дата обращения 24.07.2011).

Публикации аспирантов

УДК 811.161.1'374:801.8(470.314)

Барышева Ю.Н.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ С КНИЖНЫМ АТТРИБУТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ)

J. Barysheva

Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University

FUNCTIONING OF STEADY COMBINATIONS WITH THE BOOK ATTRIBUTE (ON THE WRITTEN MONUMENTS OF VLADIMIR REGION)

Аннотация. В статье представлен анализ функционирования словосочетаний с устойчивыми книжными атрибутами (УКА) в памятниках деловой письменности XVII века. Автор выделяет две лексико-семантические разновидности словосочетаний с УКА, среди которых, во-первых, *терминологические* (эллизионные по характеру образования); во-вторых, *нетерминологические* (оценочные, сопоставимые по характеру образования с фольклорными постоянными эпитетами). В качестве источников привлечены письменные тексты, представленные в книге «Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край. Тексты»; под ред. С.И. Коткова.

Ключевые слова: челобитная, устойчивое сочетание с книжным атрибутом, синкретема, терминология.

Abstract. The article presents the analysis of functioning of word combinations with steady book attribute in monuments of business writing of 17th century. Having analysed the given steady combinations, the author distinguishes two lexical and semantic groups of phrases with such an attribute: terminological and non-terminological (evaluative, similar in formation to folk constant epithets). As sources the author used written texts presented in the book «Monuments of business writing of 17th century: Vladimir Region. Texts» ed. S. Kotkov.

Key words: petition, steady combination with book attribute, sincretema, terminology.

Среди историко-лексикологических исследований немало работ, посвящённых изучению языка местных деловых памятников (С.С. Волков, Т.Я. Жарких, Н.К. Соколова, Н.Е. Садыхлы), однако далеко не все дошедшие до нашего времени памятники письменности подвергались системному анализу. Так, остаются недостаточно изученными Владимирские деловые памятники, опубликованные в работе под редакцией С.И. Коткова «Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край. Тексты», которые требуют детального анализа с точки зрения лексико-семантического состава. Наиболее интересный материал в данной связи даёт такой жанр деловой письменности, как челобитные. С.С. Волков отмеча-

© Барышева Ю.Н., 2013.

ет, что «слово *челобитная* ‘акт, письменное прошение, жалоба, исковое заявление’ появляется в московской деловой письменности в последней четверти XVI в., заменяя употреблявшийся до этого термин *жалобница*, имевший более узкое значение ‘акт, содержащий жалобу’» [10, с. 11].

Известно, что для лексико-семантического уровня деловой письменности характерно функционирование некоторых относительно устойчивых в своём составе и обладающих семантической целостностью словесных комплексов. Данные устойчивые сочетания слов и словосочетания, являющиеся минимальными единицами древнерусского текста, неоднократно привлекали внимание исследователей [12, с. 25-26]. Об устойчивости данных единиц свидетельствует их воспроизводимость, повторяемость в текстах, употребление в сходных ситуациях для обозначения одного и того же явления, действия, предмета. Вслед за М.Вас. Пименовой мы обозначаем подобные единицы – семантически, грамматически и ритмически нечленимые – термином *синкретемы*. М.Вас. Пименова отмечает, что в синкретемах отражается явление «структурно-сигнификативной синкретемии, при которой одно значение выражается одновременно двумя или более лексико-грамматически связанными лексемами» [13, с. 17].

В анализируемых памятниках письменности наиболее частотны синкретемы, представляющие собой сочетание определяемого и определяющего. Приведём примеры: «... бояре смилуйтесь пожалуйте нас велите ... стати к **посадицким людем** в Володимире и тягло тянути с ними ровно и всякие подати дав...» (2), «... пожалуй нас сирот своих вели нам о том свои **царскои указ** учинити...» (4), «... пишу я в Суздале на площади и в **съезжей избе** и у посланиковъ...» (7), «и те их **беглые люди** по их велению приходят в таи по ночем в Шую на посад на пустые дворы...» (3), «... да **губнои староста** Матфеи Кроткою да подячеи Петрь Копнин научают **тюремных сиделцов**...» (3) и др.

Определение, которое употребляется с именем существительным и тем самым организует новую лексическую единицу со свойственным только этой лексической единице значением, представляет собой устойчивое сочетание с книжным атрибутом (УКА).

УКА представлены двумя основными лексико-семантическими разновидностями [12, с. 65].

1) Словосочетания с УКА первой разновидности называют денотат, обладающий признаком, выделяющим его из однородного ряда, превращающим его именно в этот денотат (объект, явление) в сопоставлении с денотатом «родовым». На современном материале подобные сочетания рассматривает М.В. Никитин (типа *материнское поле, столичный житель*), указывая на их *элизионность*, т. к. в данном случае «... зависимое слово, строго говоря, не называет признак денотата, обозначенного главным словом, а называет другой денотат, находящийся в некотором отношении к первому» [11, с. 190], причем в данном случае имеется «... пропуск (элизия) имени отношения, хотя именно это отношение и является признаком денотата главного слова» [11, с. 190]. Для данных словосочетаний дополнительной причиной воспроизводимости и устойчивости, на наш взгляд, является их терминологизация.

Приведём примеры: «Подал **изветную челобитную** дрвни Брызгалова крстьянинъ Гришка Васильевъ...» (1); «... и о том вели гсдрь мне дат свою **великог гсдря жалованную грамоту** против моеи братьи чтоб мне вконец не погибнут...» (5); «... по грамоте из **Помесного приказу** а по ево Андрееву челобитию отделено ему Андрею отца ево поместье...» (6).

Необходимо отметить, что в анализируемый период не только отчётливо выявляется специализация лексики, но и происходит активное изменение функции термина от номинативной, характерной для начального периода формирования терминологии, до дефинитивной, складывающейся во второй половине XVII в. [14, с. 6-7]. Так, например,

термин *изветная челобитная* представляет собой в XVI-XVIII вв. официальное название документа, содержащего донос.

Если рассматривать терминологическую лексику в соотношении с лексикой общенародного языка, можно увидеть неустойчивость значений слов, связь терминов и их общенародных, бытовых значений. Термин *съезжая изба*, например, означает 'место, куда съезжаются кто-либо', но, входя в систему общественно-политических терминов, приобретает второе значение – 'канцелярия воеводы, куда съезжались служилые люди уезда на смотры и перед походами'.

2) Словосочетания с УКА второй разновидности не являются терминологическими, с семантической точки зрения они не отличаются от фольклорных словосочетаний с постоянными эпитетами, поскольку, как и данные единицы, «указывают на денотат, представляющий собой то, что должно, являющийся таким, каким он должен быть, соответствующий норме, идеалу, в данном случае, христиански ориентированной личности» [12, с. 65]: «...*после пожарного времени какъ мы погорели по указу преосвященного Илариона митрополита суждалского и юревского ради утеснения **цркви бжи...***» (8); «... *мне Стенке на немъ Леонтье Пупкове по рядной записи приданого донять **бжия благословения***» (9); «*А в допросе онъ сказал по зговорной де записи **бжия милосердия** образ воскресения Хрство в окладе серебrenomъ*» (9). Употребление словосочетаний с УКА второй разновидности ограничено: данные единицы преимущественно находятся в основной части челобитной.

Таким образом, словосочетания с УКА представлены в деловых памятниках письменности XVII в. двумя разновидностями: во-первых, *терминологическими* (эллизионными по характеру образования, выполняющими идентифицирующую функцию); во-вторых, *нетерминологическими* (оценочными, сопоставимыми по характеру образования с фольклорными постоянными эпитетами, выполняющими характеризующую функцию). В связи с

терминологическим характером первый тип синкретем является наиболее частотным и продуктивным в памятниках деловой письменности XVII века, в отличие от текстов книжно-славянского и народно-литературного типа, в которых, напротив, преобладают оценочные (характеризующие) словосочетания с УКА.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Изветная челобитная крестьянина Гришки Васильева на крестьянина Семёна Смольянинова в свозе сена и похвальбе убийством // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Тексты / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1984. – С. 176.
2. Челобитная владимирских оброчников об уравнении в тягле с посадскими людьми // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Тексты / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1984. – С. 149.
3. Челобитная земского старосты Куземки Кузьмина и посадских людей об удалении из Шуи притеснявших их Михаила Беклемишева, Матвея Кроткого и Петра Копнина // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Тексты / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1984. – С. 152-153.
4. Челобитная крестьян деревни Вески Ростовского уезда о размежевании пастбищных угодий и отводе леса и выгари на животинный выпуск и к водопою // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Тексты / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1984. – С. 168.
5. Челобитная переяславль-залесского иконописца Ивашки Михайлова об освобождении от податей и тягла // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Тексты / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1984. – С. 188.
6. Челобитная подьячего Ортюшки Мошнина и пристава Ипатки Микитина на Андрея Петрова сына Долгова-Сабурова в бое и насильстве и расспросные речи по этому поводу // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Тексты / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1984. – С. 188-190.
7. Челобитная подьячего Федьки Кощеева о запасце // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Тексты / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1984. – С. 177.
8. Челобитная служки Андрюшки Родионова о прибавке земли под огород // Памятники де-

- ловой письменности XVII века. Владимирский край. Тексты / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1984. – С. 209.
9. Челобитная Стеньки Калашникова на Леонтия Павлова сына Пупкова в недодаче части приданого и расспросные речи Леонтия Пупкова // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. Тексты / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1984. – С. 215-216.
- Литература:*
10. Волков С.С. Лексика русских челобитных 17 века. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1974. – 169 с.
11. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие. – М., 1988. – 168 с.
12. Пименова М.Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Филологический факультет СПб ГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.
13. Пименова М.Вас. Эстетическая оценка в древнерусском тексте: Автореферат дис. ...д-ра филол. наук. – СПб., 2000. – 38 с.
14. Рупосова Л.П. Профессиональная лексика и терминология в историческом аспекте // Проблемы исторической терминологии: Межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск: КПКУ, 1994. – С. 3-9.

УДК 81'367.624

Богданова М.А.

Московский государственный областной университет

ХОРОШО — НАРЕЧИЕ

M. Bogdanova

Moscow State Regional University

ХОРОШО — THE ADVERB

Аннотация. Наречие нельзя назвать полностью неизменяемой частью речи. Это доказывается наличием степеней сравнения (при образовании некоторых наречий возникают супплетивные формы). Наречие **хорошо** даёт положительную оценку действию, выраженному посредством глагола, включая его особые формы – деепричастие и причастие. Наречие непосредственно примыкает к этим словам. **Хорошо** имеет ряд функциональных омонимов (предикатив в личной и безличной форме, частица, модальное слово, категория оценки). Единственная функция наречия **хорошо** в предложении – обстоятельство. Данная единица широко используется в устной и письменной речи, являясь разной частью речи в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: наречие, степени сравнения, типы наречий, значение, функция, функциональная омонимия.

Abstract. It is impossible to call an adverb completely unchangeable part of speech. It is proved by existence of degrees of comparison (at formation of some adverbs there are suppletive forms). Adverb **хорошо** gives a positive assessment to the action expressed by means of a verb, including its special forms, a verbal adverb and a participle. The adverb directly joins these words. **Хорошо** has a number of functional homonyms (a predicative in a personal and impersonal form, a particle, a modal word, category of an assessment). The only function of an adverb **хорошо** in the sentence — adverbial modifier. This unit is widely used in oral and written language, being a different part of speech in each case.

Key words: adverb, comparison degrees, the types of adverbs, meaning, function, functional homonymy.

Наречие – это часть речи, которая обозначает признак действия, состояния или атрибутивного признака. Рассматриваемое нами наречие **хорошо** обозначает оценку действия, состояния, признака.

Категориальное значение наречия так размыто, что определить его практически невозможно. П.А. Лекант указал на то, что закреплённое за наречием значение «признак признака» не в полной мере отражает его сущность [7, с. 15]. Это категориальное значение не связано с формой данной части речи (т. е. с бесформенностью, неизменяемостью, бескатегориальностью и «примыкаемостью»).

Отсюда следует, что категориальным значением наречия можно обозначить адвербиальность, прилагательность.

К вопросу о бесформенности. Н.М. Шанский утверждал, что с помощью окончания «образуются обычно не новые слова, а различные синтаксические формы одного и того же слова. Тем самым окончания, как правило, используются в слове как формообразующий элемент, правда, различный по семантике в отдельных частях речи. Этим объясняется и ещё одна их

особенность, отличающая окончания от других служебных морфем: если суффиксы, приставки и соединительные гласные являются одиночными морфемами, то окончания выступают как комплексные, парадигматические. <...> Как раз это обстоятельство с полной очевидностью и свидетельствует о том, что у наречий окончаний нет» [14, с. 109]. Именно это замечание явилось противопоставлением утверждению Г.О. Винокура, который говорил, что *-о, -ой, -я, -и* – флексии.

Е.М. Галкина-Федорук утверждает, что самая большая группа наречий — это та, которая соотносится «с прилагательными среднего рода единственного числа в винительном падеже на *-о* и *-е*», и в качестве примера использовала наряду с другими словами *хорошо* [3, с. 37].

Рассматриваемое нами наречие *хорошо* является качественным, то есть определяет признак чего-то со стороны качества этого «чего-то». Оно (наречие) отвечает на вопрос *как?* По своей морфемно-словообразовательной структуре *хорошо* соотносимо с качественными прилагательными, от которых образуются суффиксами *-о (-е)* [6, с. 122]. Добавим, что эти суффиксы образуют словоформы, которые представляют собой омонимы к безличному предикативу (или формам среднего рода краткого прилагательного по традиционной грамматике) и различаются в предложении только синтаксическими функциями.

Качественные наречия имеют словоизменительную морфологическую категорию – степени сравнения.

Соответственно, положительная степень наречия *хорошо* и представляет собой «начальную, исходную форму». Отметим также обладание наречием (в виде супплетивных форм) синтетической формой компаратива и аналитической формой суперлатива.

Сравнительная синтетическая (простая) степень (в супплетивной форме *лучше*) у наречия выглядит следующим образом:

– Ты вот *лучше* посмотри – лошади-то твои не бегут вовсе.

– Помилуйте, лошади бегут как следует.

– Ну, хорошо... я не говорю... я с тобой согласен. (И. Тургенев).

Компаратив указывает на то, что обозначаемый признак для одного действия характерен в большей степени, чем для другого.

Превосходная степень показывает, что выражаемый признак для одного действия характерен в самой высокой степени, нежели для ряда других действий. Образуется такая степень супплетивными формами. Синтетическую форму рассматриваемого нами наречия *хорошо* невозможно образовать, однако суперлативную аналитическую форму можно: Он бежал *лучше всех*. Добавим, что формы со служебными словами *наиболее, наименее* употребляются довольно редко.

Оценочное, градуальное сочетание *лучше всех (всего)* при образовании аналитической формы превосходной степени неразложимо, потому что «произошло ослабление грамматической расчленённости внутри данной компоненты, хотя признаки семантической отдельности остались» [9, с. 65]. В.В. Виноградов назвал подобное сочетание слов одной из форм степеней сравнения наречия «описательная превосходная степень, состоящая из той же формы сравнительной степени и родительного падежа *всего* и *всех*» [1]. *Лучше всех* представляет собой предельный компонент шкалы оценок.

Наиболее продуктивно используются положительная и синтетическая сравнительная формы наречия *хорошо*, ввиду того что аналитическая форма у данного слова не образуется (не сочетается с *более, менее*) так же, как и простая форма превосходной степени (с *-айш (-яйш), -ейш*), зато часто встречается аналитическая форма превосходной степени с *наиболее, наименее, всех, всего*, которая указывает на самую высокую степень проявления признака действия по сравнению с такими же признаками в других (действиях).

Категория степеней сравнения наречий такая же трёхчленная, как и у прилагательных (положительная, сравнительная, превосходная степени сравнения). И компа-

ратив, и суперлатив наречий образуются только от качественных наречий, которые являются определительными способа действия и производными от качественных прилагательных. Заметим, что для усиления семантики сравнения и акцента значения количественного превосходства используются лексико-синтаксические средства, такие как усилительные или количественные наречия (*всё, ещё*) или союз *чем*: X лучше, чем Y; X ещё лучше Y.

Наречие *хорошо* представляет собой в соответствии с основными лексико-грамматическими разрядами определительное наречие. Такие наречия обозначают качества и свойства, присущие признакам, степень признака и способ его проявления.

Например:

Что ж, Маришка-то хорошо живёт? (Л. Толстой);

Вы изгнали романтизм... Хорошо сделали, но боюсь, что вы изгнали вместе с ним что-то другое... (А. Чехов);

Много, много соблазнов. Хорошо говоришь, Варвара. (А. Толстой).

Наречие *хорошо* относится к группе знаменательных, обладающих номинативным значением, называющих признак признака.

По функции в предложении наречие *хорошо* характеризует качество и интенсивность действия, а именно способа действия.

Например:

— *И поёшь хорошо?*

— *И поёшь хорошо... Спасибо...* (А. Толстой);

Он не совсем хорошо начал говорить про тебя, Руди. (А. Толстой).

А.А. Камынина назвала основной грамматической оформленностью наречий «их синтаксическое свойство: быть обстоятельством членом предложения при сказуемом (при глаголе), при определении (при прилагательном). Это первичная синтаксическая функция наречий. С опорой на эту функцию определяется категориальная семантика данной части речи» [6, с. 117]. Отметим также, что по типу синтаксической связи наречия

примыкают (как и все неизменяемые словоформы, несклоняемые существительные и прилагательные, инфинитив, деепричастия). Но если для других самостоятельных частей речи этот тип связи один из возможных, то для наречия он является частеречным, потому что наречие только примыкает.

Хорошо-наречие является своего рода необходимым определителем действия при слове, к которому оно примыкает. В отличие от слова, согласующегося с главным, примыкающее слово своей формой не указывает на связь с главным словом. А в отличие от «управляемого компонента примыкающему чуждо грамматически дифференцированное выражение различных смысловых соотношений с господствующим членом словосочетания или с содержанием всего предложения» [13, с. 34]. Поэтому связи и характер смысловых отношений примыкающее слово передаёт лишь лексически.

Наречие *хорошо* даёт положительную оценку действию, выраженному посредством глагола, включая его особые формы – деепричастие и причастие: *хорошо бегущий, поющий; думая, делая хорошо*. Наречие непосредственно примыкает к этим словам.

Например, к недействительным глаголам:

Нет, нет, я очень хорошо понимаю ваше положение (А. Островский);

Мой друг, я очень хорошо знаю, что делаю (А. Островский);

Как будто я не понимаю, я очень хорошо понимаю (А. Островский) (= мне всё ясно); к глаголам, обозначающим действие:

Хорошо ли я сделал, что взбаламутился и бросил Семиозёрск – вот вопрос, который часто приходит мне на мысль и который, надо сознаться, начал посещать меня довольно рано (М. Салтыков-Щедрин);

Когда хорошо поют — люблю... (М. Горький);

До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманивать свои глаза вашей этой схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни – и думал, что делаю хорошо (А. Чехов) (= плохо, что мало подумал перед действием); к причастиям:

Рассказано *хорошо*... (М. Горький).

Отметим, что, ориентируясь на исследование Г.А. Золотовой, можно выделить среди слов категории состояния категорию оценки [4; 5]. В современной лингвистике назрела такая необходимость. Возможность выделения слов категории оценки среди слов категории состояния даёт наличие трёх компонентов — говорящий, объект, приписываемый ценностный признак.

Можно проследить развитие категории оценки в историческом ракурсе, когда она была связана с внеязыковой действительностью и представлялась «как субъективно-объективная категория с многокомпонентной структурой, включающей субъект, объект, основание оценки и оценочный предикат» [12, с. 8].

На наш взгляд, ещё рано говорить о возможности выделения слов категории оценки как части речи, но обозначить такую категорию обязательно нужно.

Т.В. Маркелова отметила, что «ценностное отношение к миру в его языковой семантической интерпретации пронизывает кровеносными сосудами всю систему языка» [10, с. 76].

Категория оценки — это разряд безлично-предикативных слов на -о, обладающих значением оценки действия, обозначенного инфинитивом.

Например:

Хорошо иметь в себе столько чувства человеческого достоинства... (М. Горький);

Хорошо здесь жить (А. Чехов).

Слова категории оценки отличаются от наречия тем, что они употребляются только в качестве предикатива в высказываниях инфинитивно-оценочного и оценочно-предикативного типов. Таким образом, категория оценки выражает некое ценностное отношение.

Например:

Нет, быть жадным нехорошо... (М. Горький).

Е.М. Вольф указала, что есть «глаголы, близкие к фазисным, которые, однако, содержат оценку в самом своём значении. Оценоч-

ное наречие с такими глаголами выступает как интенсификатор» [2; 136].

Употребляются также конструкции, где «наречие обязательно и не может быть устранено без изменения смысла и коммуникативной структуры высказывания» [2, с. 136].

Например:

Вы изгнали романтизм... Хорошо сделали, но боюсь, что вы изгнали вместе с ним что-то другое... (А. Чехов);

Много, много соблазнов. Хорошо говоришь, Варвара (А. Толстой).

Функция, выполняемая в вышеприведённых примерах наречием, — обстоятельство. Это единственная функция данного наречия. Наречие *хорошо* является качественным, что предполагает образование форм сравнения. Однако В.В. Виноградов отмечал, что «у некоторых видов наречий, обозначающих главным образом оттенки качественного состояния, всё сильнее развивается способность замещать сказуемое, употребляться в функции сказуемого» [1, с. 344]. Видимо, именно этим замечанием учёный и утвердил возникновение новой части речи — слова категории состояния, которая в дальнейшем была тщательно рассмотрена в трудах П.А. Леканта и получила название *предикатив*.

По мнению некоторых лингвистов (В.Н. Мигирин, А.А. Камынина и др.), наречие приобрело функцию безличного предиката. Подобное явление представляет собой живой и активно развивающийся процесс. «Если есть все основания утверждать, что в русском языке сформировались конструкции, выражающие безличное действие и бес-субъектное качество, что подтверждается появлением безличных глаголов и бес-субъектных прилагательных, то нет оснований думать, что закончилось формирование конструкции, выражающей беспроцессуальную циркумстантивность», которая проявляется «у наречия синтаксически, а не морфологически» [11, с. 157]. Заметим, что функцию предиката в предложении выполняют омонимичные наречию безличные предикативы, а не сами наречия.

Интересным представляется предложение А.А. Камыниной о делении наречий на две группы. В первую лингвист «поместила» неизменяемые слова, которые всегда употребляются предикативно: *жаль, совестно* и другие. Такие наречия употребляются в предложениях с инфинитивом в роли главного члена (*надо собраться*), могут быть главным членом безличного предложения (*ему совестно, мне тошно*) или сказуемым в двусоставном предложении (*туфли впору*). Однако рассматриваемое нами *хорошо* относится ко второй группе предикативных наречий, которая «объединяет слова на -о, соотносительные с качественными наречиями и краткой формой среднего рода качественных прилагательных. Такие лексемы употребляются в функции сказуемого в безличных предложениях» [6, с. 123]. Отметим, что это безличный предикатив, а не предикативное наречие.

Обратимся к вопросу о функциональной омонимии. У наречия *хорошо* есть несколько омонимов:

– личная форма предикатива (или краткое прилагательное единственного числа среднего рода по традиционной грамматике):

Хорошо общество, где все смотрят друг на друга, как на разбойников. (А. Островский);

– *Нет, тетя Анна, я не служу.*

– *Ну, и это тоже хорошо, греха меньше.* (А. Толстой);

Это душевное состояние очень хорошо, я с вами не спорю... (А. Островский);

– безличный предикатив:

Хорошо тому, Василий Данилыч, у кого денег-то много. (А. Островский);

– *Артамону скоро жрать нечего, а я на се-ребре буду есть...*

– *Видите, как хорошо...* (А. Толстой);

Тетушка, поздравляю! Замуж выходите? Время, тетушка, время! И для вас хорошо, и для родственников приятно (А. Островский);

– частица:

Ну, хорошо, я пойду на пристань (А. Островский);

Я поеду... А как-нибудь через месяц, вы обещаетесь, и застрахуете. Хорошо? (А. Толстой);

– *До моей свадьбы должны быть проверены все счета.*

– *Хорошо, хорошо* (А. Толстой);

Да, так это вы приглашаете? Хорошо, я приеду (А. Островский);

– модальное слово:

И вдруг мне навстречу будто телёнок бежит – да так шибко бежит и головой трясёт. Ну, хорошо. <...> Дай, думаю я, вернусь – пусть бежит себе, куда знает. Ну, хорошо (И. Тургенев);

Словом, одни усищи – весь его капитал. Хорошо. Дочь моя Софья и влюбилась в него, прямо вынь да положь (А. Толстой);

Жизнь, говорит, и все капиталы положу за маму... Хорошо, хорошо... (А. Толстой);

Оттуда же извлечены его шуба, шапка и один бот... – Хорошо, бог накажет русских за это... (А. Толстой).

Внутричастеречный синкретизм появляется во время перехода слов из одной части речи в другую, что и порождает функциональные омонимы. Такой переход возможен при изменении синтаксической функции слова.

Когда же «признаковые словоформы оказываются в безличном предложении в позиции при связке, они перестают различаться грамматически <...>. Лексическая семантика слова сохраняется, при этом, не будучи направленной на выражение признака предмета или признака действия, нередко соотносится с именем признака как состояния» [6, с. 32]. Однако, на наш взгляд, следует рассматривать единицу, стоящую в безличном предложении, не как наречие без определяемого глагола, а как предикатив: «Качественные наречия на -о, -е с их формами сравнения (то есть с парадигмой!) занимают особое место в грамматической системе русского языка, как и предикативы с их безличными формами» [8, с. 31]. Здесь опять же мы можем обратиться к вопросу о функциональных омонимах.

Добавим, что возникновение таких функциональных омонимов в современной науке

относится к особым процессам исторического образования слов. И сейчас порой очень трудно или даже совершенно невозможно, отнести те или иные слова к конкретным частям речи. Омонимичная словоформа может присутствовать сразу в нескольких (частях речи). Отдельно отметим, что полный разрыв с «начальной частью речи» происходит не всегда.

Слово *хорошо* довольно часто используется в современном русском языке (в том числе и в качестве наречия), что даёт возможность более тщательно изучить его с разных сторон.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
3. Галкина-Федорук Е.М. Наречие в современном русском языке. – М.: МИФЛИ, 1939. – 155 с.
4. Золотова Г.А. О синтаксической форме слова // Мысли о современном русском языке. М.: Наука, 1973. – 352 с.
5. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2007. – 368 с.
6. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. 2-е издание. – М.: МГУ, 2010. – 240 с.
7. Лекант П.А. Категориальная семантика частей речи в русском языке / Грамматические категории слова и предложения. – М.: МГОУ, 2007. – С. 10-18.
8. Лекант П.А. О категориальном статусе наречия // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – №2. – М., 2007. – С. 31–33.
9. Магомедова И.А. Средства выражения градуальности в компаративных конструкциях хорошо – лучше // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 2. – 2008. – М.: МГОУ. – С. 63-66.
10. Маркелова Т.В. Лексема-узел «одобрять» как средство выражения оценочного значения // Филологические науки. – № 3. – 1999. С. 76-86.
11. Мигирин В.Н. Категория состояния или бес-субъектные прилагательные? // Исследования по современному русскому языку / Под. ред. проф. Т.П. Ломтева, доц. А.А. Камыниной. – М, 1970. С. 150-157.
12. Савельева А.А. Фразеологизмы семантической оппозиции «Сила» VS. «Слабость» в современном русском языке (аксиологический аспект). Автореф. дисс. ... канд. филол. н. – М., 2012.
13. Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. Пособие для учителей. М., «Промсвещение», 1971. – 135 с.
14. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд-во Московского университета, 1968. – 310 с.

УДК 811.161.1+81'42

Васильева О.Н.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа)

**БИБЛЕЙСКИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В РОМАНЕ
В.С. МАКАНИНА «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»**

O. Vasilyeva

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University (Ufa)

**BIBLICAL INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN V. MAKANIN'S NOVEL
"UNDERGROUND, OR THE HERO OF OUR TIME"**

Аннотация. Статья посвящена интертексту Библии и его функциям в постмодернистском творчестве. В ней представлен анализ романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» В.С. Маканина. Исследование интертекста библейского происхождения в произведениях данного автора до сих пор оставалось малоизученным. Проведённый анализ позволил обнаружить различные формы интертекста (аллюзии, цитаты, интермедийальные тропы) и определить их роль – духовные ценности, являющиеся эталонными, ставятся героем под сомнение. Мироззрение общества пересматривается с постмодернистской точки зрения: устоявшиеся нравственные идеалы переосмысливаются, приобретая пренебрежительный, насмешливый оттенок. Интертекст также является эффективным средством создания образов персонажей. Кроме того, библейские аллюзии, обогащая произведение, делают его кроссвордом и в то же время вносят радость открытия и эстетического наслаждения.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, Библия, постмодернизм, В.С. Маканин, отрицание авторитетов, утрата духовных ценностей, аллюзия, цитата.

Термин *интертекстуальность* предложила французский литературовед и семиотик Юлия Кристева, которая предприняла попытку объединить теорию языка и жанра М.М. Бахтина, а также исследования Ф. де Соссюра в области анаграммы. Исследователь переосмыслила понятие текста, расширив его, что привело её к предельно широкому пониманию интертекстуальности. Текст понимается только как интертекст, как общее состояние социокультурного знания, частью которого каждый текст является, на него указывает, из него возникает и затем растворяется в нём. Таким образом, понятие текста и одновременно интертекстуальности расширяется до бесконечности.

Abstract. The article is devoted to the biblical intertext and its functions in post-modernistic works. The paper presents the analysis of the novel "Underground, or a Hero of Our Time" by V. Makanin. Up until now biblical origin of the intertext in the works of the given author remained poorly studied. The carried out analysis allowed to reveal different forms of intertext (allusions, quotations, intermedial stylistic devices) and define their roles – standard moral values were put in doubt by the protagonist. Social world view is reviewed from the post-modernistic point of view: established moral ideals are being re-examined with acquisition of contemptuous and satirical hue. Intertext is also an effective means for creating character images. In addition, biblical allusions, enriching the piece of work, make it a crossword and at the same time bring joy of discovery and esthetic pleasure.

Key words: intertextuality, intertext, Bible, postmodernism, V. Makanin, denial of authorities, loss of moral values, allusion, quotation.

© Васильева О.Н., 2013.

В дальнейшем исследованиями явления интертекстуальности занимались многие учёные. В рамках данного анализа мы придерживаемся определения отечественного лингвиста И.В. Арнольд, которая понимала интертекстуальность как *включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий* [1, с. 351].

На сегодняшний день существует несколько классификаций интертекстуальных включений. Наиболее подробной нам представляется типология Н.А. Фатеевой [20], которая наряду с остальными формами интертекстуальности выделяет цитаты и аллюзии с атрибуцией и без неё, а также интермедальные тропы и стилистические фигуры.

К числу наиболее частотных словесных сигналов интертекстуальности относятся *цитаты* и *аллюзии*. Именно этим типам интертекстуальных включений уделяется основное внимание в нашем исследовании. **Остановимся** подробнее на терминах, которые будут использоваться в данной статье.

Вслед за Г.Г. Слышкиным под *аллюзией* мы понимаем *соотнесение предмета общения с ситуацией или событием, описанным в определённом тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части, то есть только на содержательном уровне* [16, с. 39].

Цитату мы определяем как *дословную выдержку из какого-либо текста или в точности приводимые чьи-либо слова* [14, с. 385].

Наряду с этими определениями необходимо рассмотреть понятие *прецедентности*. Опираясь на определение В.В. Красных [5], под *прецедентностью* мы понимаем наличие в когнитивной базе носителя языка определённого «цитатного фонда» (актуальных, хорошо известных текстов, выражений, собственных имён, слов), обращение к которому осуществляется довольно часто.

По праву относясь к мировому литературно-художественному достоянию, Библия на протяжении многих веков вызывает бесспорный интерес писателей и поэтов. Она

имеет огромные интертекстуальные ресурсы, так как является воплощением поучительных толкований, мудрых мыслей и индизказательных повествований.

Вопрос о литературном направлении, в котором пишет Маканин, не раз поднимался известными критиками. Исследователи именуют его прозу *пограничной зоной* [19], утверждая, что нельзя однозначно причислять его к конкретному течению. Литературные критики отмечают, что роман «Андеграунд» вобрал в себя традиционные черты реализма, постреализма [6] – Маканин точно воссоздаёт определённую историческую эпоху с последствиями её тоталитарной системы – «психушки», сменившие лагеря, тотальная ложь официального мира, всеобщая несвобода, непринятие достоинства личности; поиск автором истины, возможность её достижения. В то же время в романе использована повествовательная техника постмодернизма, одним из ярких приёмов которого является интертекстуальность.

В постмодернистских текстах, как известно, интертекстуальность, являясь одним из определяющих приёмов, играет особую роль. Одно из основных понятий в постмодернизме – *кризис авторитетов* [17, с. 246]. Раскрывая смысл понятия *кризис*, американский исследователь Меджилл пишет: *Это утрата авторитетных и доступных разуму стандартов добра, истины и прекрасного, утрата, отягощённая одновременно потерей веры в Божье слово Библии* [22, с. 13]. Если классики, используя библейские включения, стремились приблизиться к Богу, то у современных писателей наблюдается другая тенденция – *слом традиции* [20, с. 37], в ходе которого нередко происходит *отталкивание* произведений от Библии, когда посредством интертекста авторами достигается контраст между ними, часто с помощью иронии.

Невозможно рассматривать библейский интертекст в маканинских произведениях, не учитывая его суждений о духовном, о церкви, литературе. Для этого обратимся к его малочисленным интервью:

Вы сказали, что литература не учит. В чём же тогда заключается истинная миссия литературы?

– Я уже сказал, что литература – вещь индивидуальная и по мере сил пророческая. Но это, может быть, слишком высокие слова. Говорить о том, что литература что-то должна, я бы не стал. Литература вещь достаточно самостоятельная. Она никому ничего не должна. Если вы хотите в своих текстах воспитывать молодёжь, помогать государству бороться с наркоманией – ради Бога. Это замечательно, делайте это. Но не потому, что вы должны это делать, а потому, что вы хотите это делать. Это важное различие [11].

– Герой литературный – это не герой жизненный, я об этом много раз говорил, что жизненный герой – это тот, кто выносит товарища, спасает ребёнка. Он замечательный человек, ему надо подражать, и так далее. Герой литературный, ему нельзя подражать. И не надо. Ни Печорину, ни Раскольникову, ни Гамлету, ни Фаусту, никому.

– **А Павлу Корчагину?**

– Вот это нечто между, это та замазка, которая немножко камуфлирует пейзаж. И поэтому разница этих героев, герой литературный – это твой ответ Богу. Для меня Жилин – это мой ответ Богу. Что, как, где и, по возможности, почему происходило во время, в которое мне Бог дал жить. То же самое о герое Андеграунда Петровича. Там, где я выкладываюсь на полную возможность [9].

– **Вера в Бога, православная церковь, на ваш взгляд, поможет людям пережить экономический кризис?** – Я давно убеждён в том, что сама по себе православная церковь в России мало что значит, но её отсутствие повлечёт за собой большую беду. Это как с любым ритуалом: когда он есть, мы его не замечаем или в лучшем случае вяло поддерживаем, но как только он исчезает, это сразу же ощущается на вырождении поколения, на неуправляемом поведении наших детей [8].

То есть писатель отрицает обязательность наличия нравственной, поучительной функции литературы, усматривая её миссию лишь в отображении действительности, своеобразном отчёте о времени, в которое Бог дал жить. При этом подчёркивается, что учиться нужно у героев *жизненных*, совершающих благородные поступки, а *литературным* героям подражать нельзя. Очевидно, писатель верит в существование Бога, но при этом, по мнению Маканина, в России мало поддерживается процесс церковной жизни – посещение храма, участие в богослужениях, Таинствах.

Идеологию «Андеграунда» (1998) невозможно рассматривать, не принимая во внимание историческую подоплёку. Как известно, двадцатый век принёс нашей стране страшные катастрофы: революции, репрессии советской власти по отношению к собственному народу, в результате которых были загублены миллионы ни в чём не повинных русских людей, войны, разграбление храмов и монастырей, осквернение святынь, безбожие. Минувшее столетие резко поменяло систему нравственных ценностей, следствием чего явилось духовное падение, моральное опустошение общества.

Следствием такого глубокого подрыва Отечества стал глобальный кризис культуры, который охватил все области науки и искусства¹ и не мог не проявиться в литературной их составляющей. I съезд советских писателей (1934) явился перестройкой всего литературного процесса в СССР. Главным и единственно официально признанным мировоззренческим методом художественного творчества был провозглашён метод социалистического реализма. Писателям была дана установка на идейное содержание произведений, отвечающее решению задач построения социализма. В случае несоответствия произведений идеологической цензуре они подлежали устранению из публичной художественной жизни, за редким исключением. Кроме того, советские власти особенно пре-

¹ Множество талантливых учёных стало жертвами репрессивного государства. См. судьбу П.А. Флоренского и др.

следовали писателей-диссидентов, опасаясь огласки сведений о режиме СССР, которые последние распространяли путем самиздата неофициальных и потому неподконтрольных тоталитарному государству литературных произведений, в том числе их публикации за рубежом.

В память об этих инакомыслящих, талантливых и не имеющих целью угодить советскому государству, Маканин и написал свой роман:

Но был и другой андеграунд. Его представляли люди, которые при любой смене власти не могли бы занять высшие места. Это было целое поколение погибших людей, но людей мужественных, обладающих силой духа. В память об этих людях я написал роман [10, с. 17].

Действие романа разворачивается в советское перестроечное время, повествование ведётся от первого лица. Главный герой – несостоявшийся безымянный писатель Петрович, ни строчки которого не напечатали в советское время.

Наделённый писательским талантом [7, с. 688], он тщетно пытается напечататься, ходит по редакциям, а в какой-то момент перестает: *моё «я» переросло тексты [7, с. 573].* В силу того что людям андеграунда часто приходилось заниматься неквалифицированным трудом, там, где их зависимость от государства была бы наименьшей, Петрович сторожит за небольшие деньги квартиры хозяев во время их отсутствия в общежитии.

Лингвист Н.Д. Арутюнова отмечает, что чужое слово органически «приживается» в новом контексте, однако чужая речь не присваивается говорящим, для автора желательно, чтобы читатель уловил взаимодействие разных текстов [2, с. 51]. В основном, Маканин использует широко известные интертекстуальные включения. Сложность в выявлении вкраплений возникает тогда, когда они отсылают к произведениям, которые не являются прецедентными для настоящей культурной группы людей, или к фрагменту из распространённого текста, не удержавшемуся в памяти реципиента. К примеру, в главе «Квадрат

Малевиचा» части I Маканин вводит в повествование цитату из Библии и указывает её источник: *Разумеется, мы знаем (слышали), что дух дышит, где хочет (Евангелие) [7, с. 88].* По всей вероятности, это высказывание из Нового Завета может отсутствовать в прецедентном арсенале современного читателя, из чего следует, что ему необходима авторская подсказка. Примечательно также, что благодаря расширенной атрибуции подчёркивается всечеловеческий статус данной цитаты. Тем ярче достигается Маканиным контраст: в данном примере евангельской мысли о том, что нужно всецело полагаться на волю Духа Святого, рассказчик противопоставляет современную:

Мы можем рассуждать об этом и даже согласиться с этим, но не жить с этим. Увы. Увы, нам нужна перспектива; приманка, награда, цель, свет в конце туннеля, и по возможности поскорей. В этом, и ни в чём ином, наша жизнь [7, с. 89].

Из приведённого примера видно, как мировоззрение общества пересматривается во время коммунизма: духовные ценности, являвшиеся эталонными, ставятся под сомнение.

В роман включена аллюзия на Каинову печать. До обитателей психушки доходит слух, что один из них – наёмный убийца Чиров – признался в содеянных преступлениях. Когда Чиров слышит из разговора двух медбратьев, что теперь его самого ждёт пуля, *на его багровом лице – на лбу – вспыхнуло белое круглое пятно. (На щеках нет. Только на лбу.) [7, с. 533].* В Ветхозаветном предании Каин убивает брата Авеля, за что становится изгнанником и скитальцем. Бог не пожелал гибели Каина, объявив, что тому, кто его убьёт, отмститя всемеро. Он сделал убийце особый знак, чтобы его не убили в изгнании. В «Андеграунде» же Чиров несёт *на лбу свою белую смертную печать [там же]*, когда его ждёт смертная казнь.

Такие аллюзии, безусловно, имеют локальное действие и не отображают семантического содержания всего произведения. Но являясь фрагментарно значимыми, они

способствуют его развитию в определённом эпизоде путём реализации ассоциативно-смысловых связей с претекстом, при этом часто у Петровича имеет место ирония. Так, высокий духовный смысл евангельского выражения *алчущие и жаждущие* (Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся, [Мф. 5: 6]) в романе значительно снижается, употребляясь лишь для обозначения желания спиртного:

Шли бок о бок ночной Москвой, как это водится у безденежных алчущих агэшников. Просто выпить где-то водки. На халяву. Хотя бы сколько [7, с. 353].

Чуб подзабыл одно правило, есть у нас такое: бутылку жаждущий берёт со стола (себе на завтра), а напиток жаждущий хочет у стола (сегодня, сейчас) [7, с. 361].

Подобных выражений, которые автор вплетает в повествование с целью создания иронии, в романе содержится довольно много. В эпизоде, где Петрович подсаживается в метро к плачущей женщине, Маканин обыгрывает фразу Иисуса, сказанную будущим апостолам Петру и Андрею, в то время как они рыбачили: *идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков* [Мф. 4: 18-19]. Эффект иронии достигается только при наличии претекста в прецедентной базе читателя. Ср.: *Она тотчас и решительно отвернулась, оскорбилась. Решила, что я ловец пьяненьких* [7, с. 69].

В главе «Один день Венедикта Петровича» собутельникам нужно на спор открыть бутылку шампанского, не пролив ни капли на стол. Рассказчик по аналогии с библейскими заповедями шуточно вводит свою: *Не наследди – как заповедь* [7, с. 694-695].

Помимо интертекстуальных включений, введённых в повествование в неизменном виде, Маканин использует и трансформированные, например: *Сначала было Слово* [7, с. 141], а не *В начале*, [Ин. 1: 1].

По мнению К. Степаняна, это лишь привычная метафора для самовыражения, тут нет даже иронии или цинизма, тут слепота [18, с. 208].

Библейский интертекст обладает большой ассоциативной силой даже на уровне отдельного слова:

Шагнул в коридоре через некую половицу, и мир уже надвое: мироздание пополам. И тотчас сами собой, без чистилищных проблем, определились буйные (ближе к кабинету, чтобы слышать их крики) – отделились от тихих и блаженных (агнцы) [7, с. 185].

Согласно Библии, агнец – животное (ягнёнок, козлёнок [Исх. 12: 5]), приносившееся в жертву [Исх. 12: 3, Быт. 22: 7]. Психиатрическая больница в романе олицетворяет собой часть государственного истеблишмента, организацию, целью которой является подавление своеволия инакомыслящих путём превращения человека в жизнеподобную амёбу. Пациенты психбольницы являлись жертвами: *Психическая ломка, которой подвергались обитатели психушки, весьма показательна для понимания того механизма, с помощью которого ранее превращали талантливых ярких диссидентов в идиотов, навсегда потерявших своё «я»* [15, с. 91].

В следующем примере приводится аллюзия на Страшный Суд:

Торец склада не занят, пуст и гол, мне пришла мысль позвать кой-кого из художников, среди которых я тогда тёрся, – пусть распишут. Можно орнаментировать или устроить показательный Страшный суд для недругов (и друзей) [7, с. 130].

Как известно, Страшный Суд – последний суд, совершаемый Богом над людьми с целью выявления праведников и грешников, Божие воздаяние каждому по делам его. Петрович же под словами *можно устроить показательный Страшный суд* подразумевает в качестве судьи не Бога, а себя.

Для большей силы воздействия на читателя Маканин вводит высказывания, аналогичные знаменитым стихам Екклесиаста:

Всему своё время, и время всякой вещи под небом.

Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное.

Время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить... [Еккл. 3: 1-3]
Ср.:

Время любить и время не любить. Время целить в лбешики и время стоять на перекрестке на покаянных коленях. Мы, дорогой (говорил я ему-себе), скорее в первом времени, чем во втором [7, с. 238]. Так, размышляя о содеянном убийстве, Петрович намекает на советское время, в котором, по мнению государства, можно было убивать.

Знакомая Петровича, девица лёгкого поведения Вероника говорит ему:

Время жить и время всплывать [7, с. 86] (из андеграунда – прим. наше. – О.В.) Ещё пример: *Время ценить и время недооценивать* [7, с. 358].

Кроме того, роман содержит вкрапления, взятые не непосредственно из Библии, а связанные с ней косвенно. Так, Маканин, рисуя образ поколения бизнесменов 90-х, шагающих по российским улицам и улочкам, отмечает: *Идут в костюмах, при галстуке, с попискивающими в карманах радиотелефонами <...> У троицы тоже вполне пророческий вид и лёгкая поступь* [7, с. 624].

Как известно, в Священном Писании само слово *Троица* не упоминается. Сравнивая бизнесменов с Божественным Троиединством – Святой Троицей, автор подчёркивает их несоответствие своему прототипу и тем самым привносит иронический смысл в характеристику образа.

В следующем примере приготовление медсестрой Адель Семёновной водки из медицинского спирта иронически сравнивается Маканиным со священным обрядом, осенением крестом. Интермедиаальная семантическая фигура вызывает визуальные ассоциации – данная метафора подвергает священные действия кощунственному снижению: *Она наново смешивает для врачей «чистенький» с водой. Священнодействует, превращая воду в водку. Как торопящийся мессия, она осеняет святую жидкость трёхперстием (с зажатыми в нём фиолетовыми кристалликами марганцовки)* [7, с. 473].

Прогулку с Чубом по ночной Москве, во время которой Петрович ищет удобный момент, чтобы убить его, герой с иронией называет хождением [7, с. 353]. Изначально хождение – жанр средневековой русской литературы, форма путевых записок, в которых паломники писали о посещённых ими Святых местах.

Известное устойчивое выражение *Бог с тобой* у Маканина подменяется на *бумага с тобой* [7, с. 539]. Очевидно, что такую замену повлёт за собой один из наиболее известных тезисов постмодернизма *мир как текст и ничто не существует вне текста* [21, с. 158].

О связи со Священным Писанием говорят и многочисленные библеизмы, настолько прочно вошедшие в нашу речь, что уже не замечается их происхождение: *плоть от плоти* [7, с. 358], *манна небесная* [7, с. 384], *власти предержащие* [7, с. 500] и др.

Кроме того, сигналами интертекстуальной игры в романе служат архаизмы. Старославянские формы, воспринятые из Библии, становятся знаками подтекста, придают произведению вневременной оттенок. Ср.: *убиенный* [Откр. 6: 9 // 7, с. 410, 418], *огнь* [Втор. 4: 24 // 7, с. 446], *словеса* [Деян. 2: 22 // 7, с. 354], *страж* [Иез. 33: 6 // 7, с. 715], *вопиет* [Быт. 41: 55 // 7, с. 237].

На основе приведённого анализа можно сделать вывод о том, что интертекст как неотъемлемая часть постмодернизма является одним из основных приёмов романа Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени». Среди главных его источников выделяется Библия: переключку со Священным Писанием можно обнаружить на протяжении всего произведения. Однако библейские включения в «Андеграунде» реинтерпретируются, интертекстуальная игра героя-рассказчика советского времени нацелена на разрушение системы вечных духовных ценностей, но не посредством жёсткой, безапелляционной негации, а подрывной стратегией – Маканин втягивает читателя в провокацию, самого разного спектра и масштаба: от интеллектуальной до открыто сексуальной и кощун-

ственной. Герой бросает вызов обществу – общепринятые правила подвергаются сомнению, устоявшиеся нравственные идеалы, переоцениваясь, приобретают пренебрежительно-насмешливый оттенок. Интертекстуальность в «Андеграунде», таким образом, позволяет определить миро- и самооощущение современного человека.

Между тем роман не редуцируется до текста-игры, как это принято в постмодернизме, а представляет художественный синтез, смелый союз традиций реализма с постмодернистскими положениями. В противовес примитиву постмодернизма Маканин поднимает важные религиозные и духовные вопросы. Серьёзная проблематика «Андеграунда» исключает многоликость окончательной истины, выражающуюся в неисчислимом количестве интерпретаций текста и потому бессодержательную.

Не следует забывать, что автор пишет в сложное время потери ориентира и переоценки ценностей, а потому прекрасно осознаёт современную ситуацию, своим произведением он отображает глубокий кризис как литературы и культуры в целом, так и человеческого сознания. Петрович – порождение советской власти, её критическое, уничтожающее влияние на человека. Героя времени обошла официальная советская словесность, но не обошло насаждение коммунистических взглядов, принятие их. Библейские включения помогают Маканину высветить истинную природу коммунизма, обнажить роковые заблуждения, диктуемые им. Несмотря на то что писатель изначально не ставит себе воспитательную цель и избегает прямых нравоучений, в «Андеграунде» через печальный опыт жертвы кризисного времени он показывает опасность мира без Бога. Автор стремится уберечь читателя от вседозволенности и тех страшных ошибок, которые она за собой влечёт. Другими словами, Маканин убеждает нас в том, что понимание человека как Божьего творения, осмысление ценности отдельно взятой жизни является одним из главных условий возрождения и стабильного развития России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1999. – 443 с.
2. Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. – 1986. – №1. – С. 50-64.
3. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в 10-ти т. Т. 8 – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1992.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе с параллельными местами. – Минск. – 1994. – 296 с.
5. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
6. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950 - 1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. – Т. 2: 1968 - 1990. – М.: Академия, 2003. – 688 с.
7. Маканин В.С. Андеграунд, или Герой нашего времени. – М.: Эксмо, 2010. – 734 с.
8. Маканин В.С. В третью мировую войну не верю // Труд. – №43 (25701). – от 16.03.2009. – С. 12.
9. Маканин В.С. Книжное казино: роман «Асан» [Электронный ресурс] // Радио «Эхо Москвы». – 01.02.2009. [Сайт]. – URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/kazino/569027-echo/> (дата обращения: 18.11.2011).
10. Маканин В.С. Литература – как игра черными // Учительская газета. – № 51, от 14 декабря 2004. – С. 17.
11. Маканин В.С. Самое интересное – играть чёрными [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.poltava-orchestra.ru/worldnews/news2049.html> (дата обращения 01.11.2011).
12. Морозова Т. «Подземные жители» // Москва. 1998, №12. – С. 144-147.
13. Немзер А.С. Замечательное десятилетие русской литературы. – М.: Захаров, 2003. – 608 с.
14. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
15. Семькина Р.С.-И. Локусы подполья в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» // Знание. Понимание. Умение. – М.: 2008. – № 4. – С. 87-92.
16. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 430 с.

17. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М.: Интрада – ИНИОН, 1999. – 320 с.
18. Степанян К. Кризис слова на пороге свободы // Знамя. – 1999. – №8. – С. 204-214.
19. Сушила И.К. Современный литературный процесс в России: Учебное пособие. – М: Изд-во МГУП, 2001. – 130 с.
20. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 280с.
21. Derrida J. Of grammatology. – Baltimore. 1976. – LXXXVII, 396 p.
22. Megill A. Prophets of extremity: Nietzsche, Heidegger, Foucault, Derrida. – Berkeley etc., 1985. – XXIII, 399 p.

УДК 81.373: 811.161.1

Красоткина Е.Ю.

Московский государственный областной университет

**ЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СДВИГА
В ЭТИМОЛОГО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ
С ДОМИНАНТОЙ ЧАСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

E. Krasotkina

Moscow State Regional University

**THE PHENOMENON OF SEMANTIC SHIFT IN THE ETYMOLOGICAL
AND WORD-FORMING WORD FAMILY WITH THE DOMINANT ЧАСТЬ
IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

Аннотация. В данной статье рассматриваются структурно-семантические особенности этимолого-словообразовательного гнезда с доминантой **часть**, выделенного на основании данных различных лексикографических источников. Анализ производных единиц демонстрирует воздействие явления семантического отталкивания на процесс распада единого этимологического гнезда на отдельные самостоятельные словообразовательные гнезда. Выявление внутренней формы слова помогает реконструировать в современном русском языке единое этимологическое гнездо с общим корнем.

Ключевые слова: этимология, словообразовательное гнездо, значение, сема, лексема, часть.

Abstract. This article discusses the structural and semantic features of etymological and word-forming word family with a dominant часть, that are presented in the various lexicographical sources. The units analysis demonstrates the impact of the semantic phenomenon of repulsion to dissociation of etymological word family into separate independent word-forming families. Revealing the inner form of the word helps to reconstruct in the modern Russian language a single etymological word family with a common root.

Key words: etymology, word-forming family, meaning, sema, the token, часть.

Языковые и экстралингвистические факторы способствуют изменению лексической системы языка в целом. Ни одно слово не стоит изолированно в сознании говорящего, все они группируются и ассоциируются с каким-либо гнездом слов через свою семантему, или морфему, или даже через свои фонемы. Так, слова *часть, частица, частичка, частичный, частично, частичность, санчасть, участие, участвовать, участник, безучастный, участок, участковый, участочек, неучастие, соучастие, поучаствовать, счастье, счастливец, участь, причастие* этимологически связаны одним общим корнем, как бы ни были различны значения всех этих слов.

Значение каждого слова состоит из набора семантических компонентов – сем. Вслед за М.Д. Степановой, мы рассматриваем сему как «минимальную составную часть информации единицы языка. Сема как единица элементарного смысла, не поддающаяся дальнейшему членению, противостоит и морфеме и слову как единицам языка, обладающим двусторонней природой, материальной и идеальной: она характеризуется лишь семантикой, которая может совпадать, а может и не совпадать со значением отдельной морфемы в составе слова. Значение единицы языка может включать одну или несколько сем, с другой стороны,

одна и та же сема может оказаться в составе значений разных единиц» [9, с. 196]. Таким образом, сема репрезентирует свойство или признак именуемого объекта реальности.

В отдельном слове существует определённая семантическая иерархия сильных и слабых значений, о которой писал ещё Ж. Вандриес. Так, «сильные значения, не всегда самые древние, всплывают в сознании первыми, когда произносится слово; они сильны благодаря важности их употребления. Слабые же, более редкие и более специальные, остаются в полутени; чтобы их осветить, нужна помощь другого слова, выдвигающего их на передний план» [1, с. 188].

Выявление семантических сдвигов в пределах одной лексемы, их описание осложняется тем, что причины, которые вызывают это явление, не всегда имеют только собственно языковую природу, так как «...поскольку язык изменяется в условиях речевого общения пользующегося данным языком коллектива, то всякие языковые изменения всегда так или иначе социально обусловлены, а лексические изменения, кроме того, во многом прямо и непосредственно отражают изменения в самой реальной действительности» [14, с. 233].

В русском языке есть много примеров, когда слова с одним общим этимологическим корнем утрачивают свои семантические связи, а вследствие этой утраты становятся вершинами самостоятельных словообразовательных гнезд. В данной статье рассмотрим лексемы, этимологически связанные со словом *часть*, в смысловой структуре которых произошёл процесс расхождения сем, или процесс семантического отталкивания членов смысловой парадигмы слова.

Историческая эпоха для русского языка начинается с периода возникновения, а затем начала существования общевосточнославянского языка, при этом ряд явлений был унаследован этим языком из праславянского. В тот период начинается становление семантической структуры лексемы *часть*.

Лексема *часть* общеславянского происхождения: *čęstь; образование связано с че-

редованием гласных (ср. кусок), польск. *kałek* «кусок», лит. *kánda*, «кусать», *kañdis* «укус», лтш. *kuòst*, *kuožu* «кусать» [11, т. 4, с. 319]. В историко-этимологическом словаре П.Я. Черных представлено несколько версий о происхождении лексемы *часть*: «О.-с. *čęstь. При отсутствии других, более убедительных объяснений можно считать приемлемым объяснение Махека: 1) и.-е. база *(s)kēi – ‘резать’, ‘отрезать’, ‘отделять’; 2) вм. ожидаемого *čъstь (с закономерным ь из и.-е. ĭ), возникла [на почве омонимического отталкивания от *čъstь > рус. честь] назализованная форма с ьп, откуда о.-с. ę: *čęstь. Ср. (от той же и.-е. базы) латин. *skindō* – ‘разрываю’, ‘раскладываю’, ‘разделяю’ при перф. *skidī*; др.-инд. *chinátti* (: *chindati) – ‘рассекает’, ‘отрубает’, ‘отделяет’, *chidráh* – ‘расколотый’, ‘просверленный’ (с корнем *chid-*). Неназализованная форма: лит. *skiesti* – ‘разбавлять’, итератив *skáidyti* – ‘расщеплять’. Другие языковеды связывают рус. *часть* (< о.-с. *čęstь) с *кусать*, *кусок* (о.-с. корень *kōs-))» [12, т. 2, с. 375–376].

Этимологически родственными являются производные *участь*, *участок*, *участие*, *соучастие*, *соучастник*, *счастье*, *несчастье*, *счастливый*, *счастливец*, *частный*, *участвовать*, *часточка*, *частица*, *частью*, *отчасти*, *причастить*, *причащать*, *причастие* [6, т. 3, с. 54].

По лексикографическим данным этимологического словаря под редакцией О.Н. Трубачева, слово *часть* является этимологически родственным словам *часто*, *частый*, *чаща* и т. п. «Этимологические сближения праславянского *čęstь как правило построены на представлении, что слово и понятие ‘часть’ должно восходить к словам и понятиям ‘делить’, ‘резать’, ‘кусать’. Семантические параллели здесь имеются, достаточно указать на формирование таких синонимов, как славянское **dola*, лит. *dalis*, греч. *μέρος*, нем. *Teil*, однако в случае со словом *čęstь это создаёт некоторую предвзятость в отношении конкретных языковых форм. Как бы то ни было, ниже следующие этимологии *čęstь нуждаются в подобной критике. Славянское *čęstь сближали с лат. *scindere*, др.-инд. *chinátti*

‘отрезает, раскалывает, протыкает’ и особенно с лит. *kándi, kqsti* ‘кусать’, лтш. *kuoži, kuost* ‘кусать’. Но вышеупомянутые др.-инд. и лат. формы продолжают и.-е. **skid-* с введением носового инфикса в определённых морфологических категориях (презент), что очень трудно увязать с формой **čęstь*. С другой стороны, наиболее популярное сближение **čęstь* с **kQsь*, лит. *kándi, kqsti* тоже элементарно уязвимо, поскольку просто неясно, как могло получиться производное **čęstь* (-е-вокализм) от **kQsь* (-о-вокализм). Считаем необходимым подчеркнуть, что слово **čęstь* – славянское новообразование, полные лексемные соответствия за пределами славянских языков для него неизвестны. Инновационный славянский характер образования **čęstь* противится стремлениям связать его с **kQsь* в терминах и.-е. языковых отношений (**kond-*). И наоборот – объяснение **čęstь* как именной -i- основы от прилагательного **čęstь* отвечает характеру нашего слова.

Что касается семантической стороны этимологии **čęstь* < **čęstь*, то конкретной первоосновой более общего значения ‘часть, доля’ могло послужить в данном случае одно из значений, отмеченных для слов. *častь*: ‘одновременно выданное количество корму’, ср. в связи с этим семантическую реконструкцию слав. **čęstь* ‘частый, густой’ < ‘набитый’, напр. *набитая торба, набитый мешок* [15, т. 4, с. 106-108].

Мы считаем, что в качестве архисемы выделяется значение ‘кусочек, часть чего-либо’, которое проявляется во всех дериватах с праславянским корнем *чast-* на протяжении всей истории русского языка, поэтому версия о сближении праславянского **čęstь* и **kQsь* представляется нам вполне уместной.

Уже в праславянскую эпоху от лексемы *часть* образуется словоформа *счастье* – (ср. р.; цслав. *счъстьнъ* ‘причастный’, др.-чеш. *scestie*, чеш. *stesti* ‘счастье’, *stastny* ‘счастливый’, слов. *stastie, stastny*, польск. *szczęście*). Прасл. **съсчестьје*, объясняют из **съ-* : др.-инд. *su-* ‘хороший’ + **cestь* ‘часть’, т. е. ‘хороший удел’, счастье – первонач. ‘доля, совместное участие’ (: *съ*) [11, т. 3, с. 816].

В старославянском языке лексема *часть* выступает в значениях: 1) ‘часть, доля’ (отенок – ‘часть тела’); 2) ‘судьба, участь, доля, удел’. В данной лексикографической статье также указывается связь слов *часть* и *чьсть* [8, с. 789]. У лексемы *чьсть* фиксируются следующие оттенки: 1) ‘честь, почёт, уважение, почтение’ (отенок – ‘благочестие, набожность’); 2) ‘чин, звание, должность, достоинство’; 3) ‘предмет поклонения, почитания, святыня’; 4) ‘празднество, торжество’ [8, с. 786-787].

Отметим, что в старославянском языке появляется синоним лексемы *часть* – отвлечённое имя существительное *участие* со значением ‘доля, участие’ [8, с. 756], которое в древнерусский период вступает в синонимические отношения с русской лексемой *участок*.

В древнерусском языке у субстантива *часть* фиксируется появление новых значений, что обусловлено языковыми и экстралингвистическими (социально-экономическими) факторами. Так, в словаре И.И. Срезневского отмечены 16 основных значений: 1) ‘часть, доля’; 2) ‘равная доля’; 3) ‘подразделение’; 4) ‘часть земельного владения, участок’; 5) ‘деление города’; 6) ‘страна, предел’; 7) ‘собственность, имущество’; 8) ‘наследство’; 9) ‘наследие’; 10) ‘достояние’; 11) ‘жребий, участь’; 12) ‘счастье, удача’; 13) ‘назначение, призвание’; 14) ‘участие’; 15) ‘доступ’; 16) ‘судьба, рок’ [7, т. 4].

В данный период развития языка «старославянизмы не только вступали в полные или частичные омонимические соотношения с восточнославянскими словами, но и часто составляли с ними сложные пересекающиеся сферы словообразовательных различий и вместе с тем параллельных синонимических рядов. В качестве иллюстрации может служить история слов *участие* и *участькъ*» [2, с. 706].

Производное от лексемы *часть* в старославянском языке слово *участие* семантически отталкивается от производящей формы и, как было указано выше, входит в синони-

мическую параллель с русской по происхождению лексемой *участъкъ*. Это происходит в XI – XIV вв. «Синонимичность слов *участие* и *участок* выражается их смешением и заменой в ряде памятников житийной литературы XVI – XVII вв., тяготеющих к простому слогу, например, в Житии Зосима и Саватия» [2, с. 709].

В древнерусском языке XI – XIV вв. отвлечённые переносные значения и оттенки слова *участие* ‘доля, звание, положение, жизненное поприще’ и ‘обладание чем-нибудь, сопричастность к чему-нибудь, совместное пребывание в чём-нибудь’ [7, т. 3, с. 1333] пересекаются с одним из основных значений лексемы *честь*, а именно с значением ‘звание, положение’, что, возможно, подтверждает мнение об этимологической связи слов *часть* и *честь*, а также вступают в параллель со значениями лексемы *участок*, в семантической структуре которой фиксируется 2 значения: 1) ‘часть, доля, определённое количество чего-либо’; 2) ‘часть земельного имущества; участок, полученный по разделу’ [7, т. 3, с. 1333].

В древнерусском языке наряду с лексемой *участъкъ* появляется ряд слов, этимологически родственных лексеме *часть*: *участити*, *учащу* – ‘разделить на части’; *участный* – ‘частный, частичный, временный’ и др., в структуре которых сохраняется архисема ‘кусочек’.

Постепенно конкретные значения ‘часть имущества, имущество, владение, земля, участок’ «параллельные значениям слова *участок*, постепенно отмирают в слове *участие*; во всяком случае, они устаревают уже к началу XVIII в. Слово *участие* – слово высокого и среднего стилей русского литературного языка XVIII в. Рядом с ним возникает в русском книжном языке XVI – XVII вв. синоним *участво* (=участство), от которого образуется глагол *участвовать* – ‘иметь в чём-нибудь часть, быть товарищем в каком-нибудь деле, в какой-нибудь деятельности’ (ср. франц. *participer*). Это морфологическое родство усилило в слове *участие* отвлечённый оттенок

действия – состояния (например, сотрудничество, совместная деятельность, участие в чём-нибудь)» [2, с. 709].

В XIX в. появляются новые производные с основой *участ-*: *соучаствовать*, *участвовавшие*, *соучаствование*, *участвователь*, *соучаствование*, *соучастие*, *участник*, *соучастник*, *участница*, *соучастница*, *участный*, *участочек* и др. Они становятся актуальными.

«В языке Пушкина слова *участие* и *участвовать* очень употребительны. Они свойственны разным жанрам и стилям Пушкинского языка. Правда, слово *участие* в значении: ‘сотрудничество, деятельность совместно с другими в какой-нибудь области’ встречается только в языке прозы, – в отличие от применения слова *участие* в другом значении – ‘сочувствие, сердечное, благожелательное отношение’ [2, с. 709].

В современном русском языке выделяются дериваты, входящие в словообразовательные гнезда с вершинами, этимологически родственными лексеме *часть*. Это вершины *часть* (*частица*, *частичка*, *частичный*, *частично*, *частичность*, *часточка*, *частью*, *частями* и др.); *счастье* (*счастье*, *счастливец*, *счастливый*, *счастливо*, *счастливый*, *счастливчик*, *несчастливый*, *несчастливый*, *осчастливить*, *бессчастный*, *небессчастный*, *несчастье*, *несчастный*, *несчастненький* и др.); *участвовать* (*участие*, *безучастный*, *безучастно*, *безучастность*, *безучастие*, *неучастие*, *соучастие*, *участник*, *участница*, *соучастник*, *участливый*, *участливость*, *поучаствовать* и др.); *участок* (*участочек*, *участковый* и др.); *причастить* (*причаститься*, *причащаться*, *причащать*, *причащение*, *причастие*, *причастник*, *причастница*, *причастный*); *причастный* – ‘имеющий непосредственное отношение к чему-либо’ (*причастно*, *причастность*, *непричастный*, *непричастность*, *сопричастный*, *сопричастность* и др.) [10].

Мы видим, что в русском языке лексема *часть* стала производящей для образования целого ряда слов, в семантической структуре которых произошло явление семантического

сдвига. В связи с этим явлением данные слова стали семантически независимыми от исходной формы, и в настоящее время они не входят в словообразовательное гнездо с доминантой *часть*, а образуют свои самостоятельные гнёзда и являются семантически независимыми от исходного производящего субстантива.

Все разнообразные изменения значений слов можно свести к двум основным типам [3, с. 37]: 1) лексико-семантическое притяжение: *стяжение, сжатие, конденсация, включение*; 2) лексико-семантическое отталкивание в чём-либо сходных лексических единиц. **Семантическое притяжение** основывается на «общности одного и того же признака в разных лексемах. Эти признаки могут носить как содержательный, так и формальный характер, но, безусловно, они будут характеризовать единицу уровня языка» [3, с. 37]. В результате **семантического отталкивания** расширяется семантическое или стилистическое поле той или иной лексической единицы.

В истории русского языка произошло семантическое отталкивание у лексем: *часть* – *участие* (развитие отвлечённого значения – ‘принимать участие в каком-либо общем деле; ‘иметь долю, пай в чём-либо, в каком-либо предприятии, деле’; перен. устар. ‘принимать сердечное участие; сочувствовать’); *часть* – *счастье* (развитие отвлечённого значения состояния человека – ‘состояние абсолютной удовлетворённости жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости, ‘успех, удача; ‘счастливый случай, счастливое стечение обстоятельств’); *часть* – *причастие* (появление слова в церковно-славянском языке, развитие значения, обусловленное экстралингвистическим (религиозным) фактором – ‘один из обрядов христианской церкви, заключающийся в питье верующими церковного вина с кусочками просфоры или облатками’); *часть* – *причастный* (значение непосредственного отношения к чему-либо), *часть* – *участок* (развитие отвлечённого значения – перен. ‘область, отрасль произ-

водства, сфера какой-либо деятельности); *часть* – *участь* (несмотря на то, что в семантической структуре лексемы *часть* произошла утрата первоначального значения ‘участь, судьба’, в настоящее время в русском языке продолжает употребляться субстантив *участь* с отвлечённым абстрактным значением ‘положение, созданное жизненными условиями или какими-либо обстоятельствами; доля, судьба’) [4].

Таким образом, в семантической эволюции слов с общим корнем *част-* отражается «общий путь от конкретных значений к значениям более отвлечённым, относящимся к разнообразным проявлениям общественной деятельности человека» [2, с. 709].

Несмотря на то что в рассматриваемых нами единицах с общим корнем произошло явление семантического сдвига, архисема ‘кусочек, часть чего-либо’ продолжает сохраняться и во всех дериватах с праславянским корнем *част-*, и в лексемах, входящих в синонимический ряд с доминантой *часть*.

Так, значение существительного *кусочек* включает семы «отдельная часть чего-либо», «отломанная, отрезанная», семантика лексемы *пай* – «часть чего-либо», «доля, вносимая отдельным участником в общее дело, товарищество, кооперативную организацию», *участок* – «отдельная часть», «часть какой-нибудь поверхности, пути», *отрезок* – «часть чего-нибудь», «измеряемое в пространстве или во времени», *порция* – «определённая доля», «количество чего-нибудь (преимущественно о пище)». Сравнение этих значений приводит к выделению дифференцирующих сем «отломанная, отрезанная», «доля, вносимая отдельным участником в общее дело, товарищество, кооперативную организацию», «часть какой-нибудь поверхности, пути», «измеряемое в пространстве или во времени», «количество чего-нибудь (преимущественно о пище)» и архисемы ‘кусочек, часть чего-либо’. Все вышеперечисленные дифференциальные семы в современном русском языке являются составляющими семантической структуры существительного *часть*.

Ю.В. Откупщиков, анализируя слова, синонимичные лексеме *судьба*, пишет: «Возьмём, к примеру, несколько слов, синонимичных слову *судьба*: *доля, участь, жребий*. Первое из этих слов, наряду со значением ‘судьба’, имеет также значение ‘часть’. Слово *участь* (кстати, так же, как и *счастье*) является приставочным образованием, в основе которого лежит слово *часть*. Но особенно отчётливо значение ‘часть, кусок (чего-либо)’ выступает у слова *жребий*: старославянское слово *жребь* означает ‘отрезанный кусок’, в диалектах украинского языка *жероб* — это ‘участок земли’. Все эти (а также и другие) данные позволяют восстановить следующую общую картину семантического развития: ‘резать’ > ‘делить’ > ‘часть’ > ‘доля, участь, судьба’. Здесь семантическое развитие идёт в направлении постепенной абстрактизации значений. Однако наряду с перечисленными возникали и иные – более конкретные – значения. Так, значение ‘резать’ могло дать производные ‘кусок; отрезок’, а значение ‘делить’ – производные ‘надел, участок земли’. Причём эти значения могли развиваться на основе одного и того же по своему происхождению слова» [5, с. 104]. Это подтверждают все наши наблюдения.

Таким образом, в современном русском языке «семантическое отталкивание выступает своеобразным движителем развития семантической структуры слова. Обращаясь к внутренней форме слова, вскрывая его корни, мы открываем для себя и то, что принадлежало ему, и то, что образовалось в истории русского языка – ту архисему, которая совместила в своей структуре синхронно-диахронные особенности» [13, с. 323]. Лексема *часть* как доминанта этимолого-словообразовательного гнезда в его языковой эволю-

ции представляется нам одним из интереснейших предметов исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю / Перевод с французского, примеч. П.С. Кузнецова; ред. и предисл. Р.О. Шор. – М., 1937. – 407с.
2. Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Отв. редактор чл.-корр. РАН Н.Ю. Шведова. – М.: 1999. – 1138 с.
3. Войлова К.А. Судьба просторечия в русском языке. Монография. – М.: МПУ, 2000. – 304 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М.: Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.
5. Откупщиков Ю.В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. Изд-е 4-е. – М.: Азбука (азбука-классика), 2008. – 352 с.
6. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Вып. 5-14. – М., 1910-1916.
7. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. – М., 1999.
8. Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994. – 842 с.
9. Степанова М.Д. Вопросы компонентного анализа в лексике // Иностран.яз. в школе. – 1966. – № 5. – С. 23-28.
10. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т., 2-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. – М.: Прогресс, 1964.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. – М.: Рус. яз., 1993.
13. Шаталова О.В. Концепт *бытие* в русском языке: Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 543 с.
14. Шмелева Н.Н. О лексико-семантическом стяжении в древнерусском языке // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1969. – 352 с.
15. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974.

УДК 811.161.1'373

Цзюй Хайна

Благовещенский государственный педагогический университет

ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

T. Haina

Blagoveshchensk State Pedagogical University

THE IMAGES OF TIME IN RUSSIAN PHRASEOLOGY

Аннотация. В статье автор рассматривает фразеологизмы, обозначающие время в русском языке, и сравнивает их со схожими фразеологизмами в китайском языке. Автор делает выводы, что большая часть русских фразеологизмов, обозначающих время, метафоричны, и рассматривает фразеологизмы, представленные в различных диалектных словарях с пяти позиций. Это «время как форма земного бытия человека», «время – груз», «время – рубеж», «время – живое существо», «время как феномен, определяющий благоприятный и неблагоприятный ход дела». С этой точки зрения (метафоричности) рассмотрен ряд фразеологизмов на обоих языках. В заключении автор делает вывод, что фразеологизмы со значением «время», построенные на метафоре, отражают философское осмысление времени.

Ключевые слова: фразеологизмы, время, движение, метафора, сравнение.

Abstract. The author considers idioms, that indicate time in the Russian language and compares them with the similar in Chinese. The author concludes that the majority of Russian phraseology, indicating time is based on metaphors. She examines metaphorical idioms presented in different dialectic dictionaries through five positions. These are: time “as a form of human life on the Earth”, “time the burden”, “time the boundary”, “time the living creature”, “time as a phenomenon that defines the favorable and unfavorable events”. From this point of view, the author considers a number of phraseological terms in both languages and concludes that the idioms with the value of “time” built on metaphor reflect philosophical understanding of time.

Key words: phraseological model, time, movement, metaphor, comparison.

Русские фразеологизмы, обозначающие время, являются объектом исследования в когнитивном, национально-культурном, стилистическом ключе [4; 10; 5]. Национально-специфическое осмысление категории времени рельефно оттеняется при контрастивном подходе [3]. Расширение полигона исследования позволяет обнаружить новые грани фразеологической трактовки времени определённым этносом и уточнить роль образной основы фразеологических обозначений в процессах мироотражения и миропонимания и принципах использования образов для понимания экзистенциальной сущности данной категории.

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики применительно к фразеологии стремится выявить пути осмысления невидимых миров действительности через уподобление абстрактного конкретному, осязаемому и прагматическому. В образах народной фразеологии закодирована наивная философия бытия. В настоящей работе мы анализируем образную основу русских фразеологизмов (понимая объект фразеологии широко, согласно концепции воспроизводимости литературного языка, а также фразеологизмов диалектных). Своеобразие фразеологической картины мира рельефнее видится при сопоставлении различных языков. Поэтому мы прибегаем к анализу темпоральных фразеологизмов китайского

языка. Задача работы – определить аспекты образных представлений времени, вербализованных средствами русской фразеологии. Вместе с тем сделана попытка оттенить их на фоне фразеологических образов китайского языка.

Фразеологическое значение формируется в результате метафорического переосмысления прототипической базы, нацеленной на иной объект. Посредником в этом процессе выступает внутренняя форма (ВФ). ВФ фразеологического значения составляют те смысловые элементы лексической и грамматической семантики фразеологической базы, которые послужили его генетическим источником» [1, с. 56-57]. Вопрос о внутренней форме фразеологизмов не имеет однозначного решения: для В.П. Жукова ВФ – это «словесный образ», В.М. Мокиенко считает ВФ «этимологическое содержание» фразеологизма, В.В. Виноградов и А.М. Мелерович видят во ВФ семантическую мотивированность. Статус внутренней формы остаётся недостаточно прояснённым, при этом большинство исследователей не рассматривает её как часть семантики фразеологизма. Особая позиция – у Н.Ф. Алефиренко, считающего, что ВФ несёт «обобщённо-абстрагированный признак», который «содержит в себе деривационную память об источниках фразеологизма номинативного, структурно-семантического и когнитивного характера» [1, с. 59].

Для носителей языка внутренняя форма фразеологизма – это мотивирующий фактор, своего рода ключ к значению и основа образа. А в образе, как в некоей реторте, совершается когниция: денотат прототипической базы – донора, переплавляясь в горниле образа, обогащается новыми смыслами – коннотациями. Смоделировать процесс рождения фразеологического значения, вероятно, можно лишь гипотетически. Но существует убеждённость, что пружиной его является метафора. В работах последнего периода, посвящённых роли метафоры, она рассматривается как «модель смыслопроизводства» и культурунесущий

феномен [1, с.2]. Большая часть русских фразеологизмов, обозначающих время, метафоричны. Установлена обобщённая образная модель концепта «время», репрезентированного во фразеологии [10]: время – движение линейное или циклическое. В рамках указанной модели в народной фразеологии время предстаёт в различных образах.

Рассмотрим некоторые из них, представленные в диалектных словарях.

1. Время – вместилище, форма земного бытия человека. Мерой для времени является существование «на этом свете»: *войти в года* – «достичь совершеннолетия», *быть в детстве* – «быть ребёнком», *выйти из годов* – «состариться», *в моих (наших) годах* – «то же, что при чьём-либо быту», *уйти в кусты, уйти в сосны, уйти в пороховницу, уйти в Могилёвскую губернию* – «умереть».

2. Время – груз, предмет: *быть под годами* – «в преклонном возрасте», *потерять года* – «состариться».

На протяжении жизни человек отмечает отрезки времени, связанные с какими-либо событиями, переживаниями, какими-либо обстоятельствами.

3. Временной рубеж – факт повседневной жизни, положение солнца на небосводе: *не в час* – «по суеверным предрассудкам, оказаться в неожиданной невероятной, роковой ситуации», *вставать с первым петухом* – просыпаться, вставать очень рано, с первыми петухами», *добрый час вам* – пожелание всего хорошего, *солнце в паужину* – «время после полудня».

4. Время – живое существо.

Время возьмёт своё – «со временем станет известно, как поступать, действовать, кто прав, кто виноват и т. п. [7, с. 82], *время делает своё дело* – «со временем неизбежно, неотвратимо всё изменяется» [7, с. 82], *время не терпит (не ждёт)* – «необходимо срочно без промедления действовать» [7, с. 82], *время обошло стороной* – «кто-либо со временем не изменился, не состарился» [7, с. 82], *время терпит* – «нет необходимости спешить, можно подождать» [7, с. 82].

В представленных фразеологизмах времени приписываются свойства живого существа, которое выполняет «олицетворённые» действия: *возьмёт, терпит, обошло, торопит, не ждёт*.

5. Время – некий самодовлеющий феномен, определяющий благоприятный или неблагоприятный ход дел.

Золотое время – «пора детства, юности, молодости» [7, с. 82] *золотой (златой) век* – «в представлении многих древних народов счастливые времена существования человечества» [7, с. 52], *не в добрый час* – «тогда, когда не следует (делать что-либо)» [7, с. 579], *чёрный час* – «время сильного потрясения кого-либо, беды, трагедии и т. п.» [7, с. 579], *звёздный час* – «вершина, расцвет в каком-либо деле, деятельности и т. п.» [7, с. 579], *во святой час* – «пожелание удачи, благополучия тому, кто что-либо начинает (обычно важное)» [7, с. 578].

Обобщая представленные в русских фразеологизмах уподобления времени, отметим их обусловленность пантеистическим мышлением и восприятием времени через возрастные периоды и вехи повседневного быта.

Обратимся к представлениям о времени, которые запечатлены во фразеологизмах китайского языка. Во фразеологической картине мира китайского языка можно выделить несколько моделей. 1. Ход времени осмысливается через явления неорганического мира: небесные тела, воду, землю. 2. Время обозначается через соматические образы, физиологические процессы живого существа. 3. Для оценки времени используются предметные образы.

В качестве верных часов люди рассматривали движение небесных тел. При смене дня и ночи на небесном своде неизменно менялись светила: солнце и луна. Это уподобляется челночному движению, признаками которого являются заданность фаз и их чередование. Фразеологизм *日月如梭* имеет значение «время идёт очень быстро» и прочитывается буквально «как солнце и луна снуют взад и вперёд» [13, с. 657]. **Эталоном быстро-**

го течения времени может быть изменение положения созвездия Большая Медведица. Внутренняя форма фразеологизма «звёзды сдвинулись, семизвездие повернулось» [13, с. 198]. Космос и Земля видятся как вечные, существующие бесконечно долго, поэтому логично для клятвы в преданности использовать фразеологизм *天荒地老*, который обозначает «навсегда», а буквально переводится «пока небо не опустеет и земля не постареет» [11, с. 656]. **Синонимичным рассмотренному обороту** является фразеологизм *海枯石烂*, который также основан на невозможном (буквальное значение «моря высохнут и камни сгниют») [13, с. 309].

Такое свойство времени, как незаметность и быстрота его течения, в китайских оборотах (как и во фразеологии других языков) отражаются с помощью соматических образов. Например, краткость действия обозначается фразеологизмом *转眼之间*, который буквально прочитывается «как перевести взгляд» [11, с. 936], а также оборотом *瞬息万变*, который в прямом смысле обозначает «за время, когда можно опустить и поднять голову» [13, с. 734].

Для характеристики ценности времени в китайском языке используются универсальные образы золота и денег: *时间就是金子, 时间就是金钱* [12, с. 1266] *一寸光阴, 一寸金* [11, с. 824]. **Характерна китайская поговорка** *一寸光阴一寸金, 寸金难买寸光阴*, которая переводится так: **Время даёт деньги, а на деньги время не купишь** [12, с. 1292]. Кроме того, отмечается идея бережного отношения к минимальным отрезкам времени: минуте, секунде: *分秒必争*, что значит «одну минуту и одну секунду тоже надо завоевать» [11, с. 213]. **Важность бережливого отношения** ко времени усматривается, в частности, в том, что китайцы убеждены *节约时间就是延长生命*, что в переводе означает: **Беречь время – продлевать жизнь** [12, с. 1227]. В ряде фразеологизмов отражается такая черта менталитета, как нацеленность на полезное время **препровождение, стремление использовать время с максимальной**

отдачей: 夜以继日 (Пользоваться вечерним временем – продолжить дневное) [11, с. 819]. Быстрота конкретного действия в образном уподоблении трактуется с помощью фразеологизма 白驹过隙, который дословно переводится “проскользнуть, как белая лошадь через щель” [11, с. 15].

Один из ярких предметных образов времени – летящая стрела 光阴似箭, «Время летит как стрела». Интерпретация времени как постепенного накапливания чего-либо просматривается во фразеологизме 日积月累 («Каждый день, каждый месяц постепенно накапливают», т. е. длительные периоды получаются из малых отрезков времени [11, с. 556]. Показательно, что среди фразеологизмов китайского языка, интерпретирующих время применительно к человеческому бытию, есть обороты, в которых содержится объективный взгляд 时间无私, 历史无情 («Время бескорыстно, история бесчувственна»), то есть на время нельзя обижаться [12, с. 1267]. Образ непрерывности времени воплощён во фразеологизме 逝者如斯夫, 不舍昼夜 («Проходящее время как вода в реке, которая непрерывно течёт днём и вечером») [11, с. 613].

Наблюдения над образным воплощением концепта «время» во фразеологии русского и китайского языков позволяют отметить, что наряду с общими моделями (уподобление хода времени текущей воде, чего-то, что независимо от человека, что представляет большую ценность, как золото), есть и такие, которые свойственны только одному языку: например, у русских акцентируются возрастные периоды в жизни человека, а также мифологически осмысляемые моменты времени как удачные, «хорошие» или неудачные, «чёрные». В китайской фразеологии показательны космические образы «солнце», «небо», «луна», «созвездия», а также мысль о ценности времени для человеческого существования.

Для раскрытия глубинной основы этнолингвистических черт фразеологии времени двух языков необходимо изучить мотива-

цию актуального значения фразеологизмов, их культурологическую базу. Эти вопросы – предмет дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология. Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического. – М.: Флинта: Науча, 2009. – 344 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
3. Афанасьева О.В. Концепт «время» в современной трактовке (на материале английского, испанского и русского языков). Аспекты изучения // Вестник Чувашского университета. – № 3. – 2007, Чебоксары. – 18 с.
4. Бобрышева Л.К. Фразеологизмы как национально-культурная экзистенциальная картина мира (на материале русского и адыгейского языков: Дисс. ... канд. филол. наук. – Майкоп. – 154 с.
5. Новосельцева В.А. Концептуализация времени в русской фразеологии и художественных текстах: Дисс. ... канд. филол. наук. – Кубанский университет, 2004. – 169 с.
6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.
7. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / Под ред. А.И. Фёдорова. – М.: «Топикал», 1995. – 608 с.
8. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Фёдорова. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.
9. Фразеологический словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. Л.В. Кирпикова, Н.П. Шенкевец. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. – 155 с.
10. Щербина В.Е. Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков: Монография. – Оренбург, 2008. – 209 с.
11. Китайский фразеологический словарь. – Пекин, 2006. – 1001 с. / 中华成语词典, 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2006.
12. 周静琪, 何爱英. Китайский словарь пословиц. – Пекин, 2006. – 1699 с. / 汉语谚语词典, 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2006.
13. 赵辛予, 找辛茅. Многофункциональный фразеологический словарь. – Пекин, 2004. – 1074 с. / 多功能成语词典, 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

УДК 812.161. «20» Бородаевский

Михайлова И.П.

Курский государственный университет

ПОЭТ В.В. БОРОДАЕВСКИЙ О «РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАВДЕ» К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

I. Mikhaylova

Kursk State University

POET V. BORODAYEVSKY ON «RELIGIOUS TRUTH» OF K. LEONTYEV

Аннотация. Статья посвящена анализу публикаций поэта В.В. Бородаевского в начале XX века «О трагизме в христианстве» и «О религиозной правде Константина Леонтьева». Рассматриваемые социально-философские и религиозные стороны учения выдающегося русского мыслителя, писателя и публициста К. Леонтьева оказали значительное влияние на формирование личности поэта В. Бородаевского, который, пытаясь установить закономерность эволюции взглядов и жизненного пути К. Леонтьева, осветить единство его идей, высказал своё весьма оригинальное мнение в «споре о христианской культуре». Однако Бородаевскому не удалось избежать противоречий в оценке К.Н. Леонтьева. Наряду с ценными, интересными и верными по своей сути мыслями и наблюдениями в работах В. Бородаевского, на наш взгляд, содержится ряд спорных положений. Малоизвестные публикации Бородаевского о К.Н. Леонтьеве, несомненно, важны не только для понимания самобытного наследия русского философа, но и раскрывают духовный мир поэта В. Бородаевского.

Ключевые слова: Серебряный век, Бородаевский, Леонтьев, социально-философский, религиозный, апокалипсис, духовный мир поэта, эклектизм.

Abstract. This article analyzes the publications of the poet V. Borodayevsky at the beginning of the 20th century “On the tragedy of Christianity” and “On religious truth of Konstantin Leontyev.” Studied social and philosophical and religious teachings by prominent Russian philosopher, writer and journalist Leontyev had a significant influence on the personality of the poet V. Borodayevsky who, when trying to establish the regularity of the evolution of views and way of life of Leontyev, to highlight the unity of his ideas, expressed his very original opinion in the “debate about the Christian culture.” However, Borodayevsky could not avoid controversy in the evaluation of K. Leontyev. Along with valuable, interesting and true in its essence thoughts and observations in the works of Borodayevsky, in our opinion, there is a number of controversial provisions. Little-known publications of Borodayevsky on K. Leontyev are, of course, important for understanding the distinctive heritage of the Russian philosopher and the inner world of the poet V. Borodayevsky.

Key words: Silver Age, Borodayevsky, Leontyev, social, philosophical, religious, apocalypse, spiritual world of the poet's eclecticism.

Закономерный интерес деятелей науки, культуры и искусства рубежа XIX-XX веков к идеям выдающегося русского религиозно-мыслителя и писателя Константина Николаевича Леонтьева (1831-1891) объясняется поисками таких путей духовного преобразования жизни, которые вывели бы общество из назревавшего кризиса; именно это вызвало в русской культурной среде острую потребность в религии. Современники К.Н. Леонтьева, постигая его философское наследие, испытывали некоторую двойственность: с одной стороны, «ренессанс» хотел «обнаружить в его творчестве объединяющую идею <...> или же её принципиальное отсутствие», но, с другой – «не преуспел в постижении многогранного образа мыслителя, не укладывавшегося в прокрустово ложе схем и чётких формул» [6, с. 432]. О месте Леонтьева в ряду представителей русской философской и социально-политической мысли писали Л.Н. Толстой и Н.А. Бердяев, В.С. Соловьёв и В.В. Розанов, В.В. Зеньковский и многие другие. Среди многочисленных публикаций начала XX века о наследии К. Леонтьева особое внимание привлекают две статьи курского поэта Валериана Валериановича Бородаевского (1874-1923), самобытного поэта религиозно-философского склада эпохи Серебряного века, весьма незаурядной личности, чьё поэтическое дарование было высоко оценено, например, Вяч. Ивановым, Н.С. Гумилёвым, которые видели в нём продолжателя традиций философской лирики Е.А. Боратынского и Ф.И. Тютчева.

Духовные поиски истины, часто мучительные, сопровождали Валериана Бородаевского всю жизнь; они были отражением характерной особенности времени, отличавшегося любовью к философии, поисками нового Бога, смысла жизни и даже рецептов бессмертия. Сам В. Бородаевский считал, что его мировоззрение складывалось как «под перекрестным влиянием В. Соловьёва, Н. Фёдорова и, еще интимнее, К. Леонтьева», так и во время «посещения уединённых монастырей и пустынь. В Оптиной провёл я

самые блаженные минуты моей жизни» [1]. Акцент на испытанные «блаженные минуты» был неслучаен: эти «блаженные минуты» станут краеугольными в статье поэта «О трагизме в христианстве» (1903), опубликованной в «Русском вестнике». Эта первая статья В. Бородаевского о Константине Леонтьеве «была в сущности песней о грозном суде над человеческим сердцем, брошенном в кучу соблазнов и метаний» [1], явилась веским словом поэта в споре о сущности христианской культуры.

Обращаясь к осмыслению глубинных вопросов, как-то: в чём искать дух христианства, в чём его истинная сущность и, наконец, в чём заключается трагизм христианства, Бородаевский заключает, что христианство основано на принципах аскетизма: «Христианство утверждает аскетизм; как бы ни строили нашу жизнь, – мышление наше, чтобы быть христианским, должно принять этот положительный знак воли христовой...» [3, с. 617]. Самые высокие моменты в жизни человека, по мнению автора, «это моменты забвения своего “Я”» [3, с. 617]. В. Бородаевский с поэтическим прозрением отмечал, что «моменты, иногда столь далёкие от всех наших представлений о счастье и наслаждении, являются кардинальными точками, основами, на которых покоится другой, неизвестный нам порядок мира» [3, с. 617]. Эти «моменты» Бородаевский называет «нравственным благом». Свои размышления поэт иллюстрирует притчевым примером «о голодном и куске хлеба»: «Если вы даёте голодному кусок хлеба – земное благо будет в том, что вы утолите острое страдание; но благо истинное не в самом хлебе и не в чувстве сытости, а только в том волевом акте, которого вы явились носителем. Нравственное удовлетворение, являясь как бы условным знаком блаженства, намёком на него, указывает вам правоту поступка. Благо для нищего может не сопровождать вашего; истинное благо для него наступает в тот момент, когда он, голодный, отломит от вашего хлеба половину и передаст другому» [3, с. 618].

Находясь под сильным влиянием идей В.С. Соловьёва, Бородаевский утверждал, что мир движется к апокалипсическому концу. Причину этого он видел в современном ему состоянии мира, которое далеко от совершенства и вряд ли сможет к этому совершенству приблизиться. Таким образом, в качестве основополагающего начала миропонимания Бородаевского выступал трагизм в восприятии жизни, который привёл к осознанию трагичности христианской религии, корень которой он видит в разладе между благом земным и вечным, в жгучей распре между «хочу» и «должен». Иными словами, для Бородаевского христианство трагично, так как на земле не торжествуют христианские идеалы.

Выступление Бородаевского в 1910 году в Религиозно-философском обществе (Петербург) с докладом «О религиозной правде Константина Леонтьева» имело широкий резонанс, чему было несколько причин. Во-первых, религиозно-философские собрания «были в истории русского общества событием исключительным» [12, с. 470] и представляли собой «фактически первую попытку восстановления целостности русской культуры путём преодоления разрыва двух “миров” – светского и церковного» [7, с.17]. Маргарита Андреевна Бородаевская, жена поэта, отмечала, что прения по докладу Бородаевского о религиозных исканиях Константина Леонтьева были весьма активные, но, к сожалению, самой рукописи доклада «почему-то не осталось, и много лет спустя я узнала в букинистическом магазине в Камергерском переулке от старого приёмщика книг, которому я продала Григоровича, на крышках которого было оттиснуто золотом “За успехи в науках Бородаевскому Валериану”, что у него на столе увидел эти книги приезжий из Сербии и сказал, что он купил у себя в Белграде книгу этого автора “Религиозная правда Константина Леонтьева”. Но связаться с этим человеком мне так и не удалось» [5]. Однако на счастье, в архиве священника И.И. Фуделя сохранился экземпляр рукописи этого до-

клада, подаренного тому самим В. Бородаевским.

Высоко отзываясь о личности Леонтьева, Бородаевский писал об отсутствии притворства, о смелости и оригинальности его мысли. Он полемизировал с В.С. Соловьёвым, чьё суждение о «неслиянности идеалов» К. Леонтьева, по мнению поэта, «было принято и вошло как общее место о Леонтьеве во всё, что о нём позже писалось» [2, с. 254]. Да, действительно, К. Леонтьев был весьма противоречив, вслед за многими Бородаевский тоже отметил, что К. Леонтьев – «мыслитель, раздираемый противоречиями, так и не смог до конца объединить религиозные чаяния с эстетическими запросами и страстями политика» [2, с. 254]. Но ценность статьи Бородаевского в том, что поэт, обращаясь к личности и наследию К. Леонтьева, определил для себя другую цель: для него было главным показать не противоречия Леонтьева, а «установить начало, образующее стихию его духа» [2, с. 256]. Определяя задачу своей работы как освещение религиозного воззрения Леонтьева, как необходимость «отметить ту правду, которую он утверждал», Бородаевский с сожалением констатировал, что «К. Леонтьев не был по достоинству оценён современниками», и пророчески предрёк, что мыслителю «суждена посмертная известность, возрастет интерес к его идеям» [2, с. 253].

В. Бородаевский убедительно доказал, что «многоликость его (К. Леонтьева. – И.М.) может быть понята лишь при общем начале» [2, с. 256]. Это *общее начало*, или «объединяющий центр», В. Бородаевский называл «инстинктом иерархизма», сближающим и охватывающим «обособленные сферы – эстетизма, реальной политики, мистики» [2, с. 253].

Обращение к «материалам» о человеке удивительных дарований, о его «религиозной правде» отразилось в лирике В. Бородаевского, где явно слышится леонтьевское православное восприятие мира: осознание греха и стремление к покаянию, смирение и жертвенность:

*Когда Господь метнёт меня на землю, –
Как кошка блудная на камень мостовой
Ударюсь когтем я и гневный вопль подъямлю;
И, выгибаясь жилистой спиной,
Гляжу к нему: с улыбкой наблюдает
Мой жалкий вид Господь – и, сумрачен, бреду...
Потом кричу: «Ты прав! Душа моя пылает!
Ты прав!» – кричу в молитвенном бреду.*

*И смотрит Он. Рука Его подъята,
И я бегу, и на руки Его
Бросаюсь, и ложусь так беззаботно-свято;
И гладит Он меня, лаская: «Каково?»
[4, с. 61]*

Глубоко проникнув в философские идеи Леонтьева, Бородаевский защищал «чуждые современному религиозному сознанию» [2, с. 253] основы христианства: страх, послушание, подвиг. Он считал, что именно «основы эти, являясь в историческом процессе вторичными, – генетически должны быть признаны начальными, исходными, потому что в душе человеческой любовь не предшествует страху, а следует за ним, свобода вырастает из послушания и благодать из подвига, а не наоборот» [2, с. 253]. Вслед за Леонтьевым, Бородаевский приходит к выводу, что «любовь как естественное личное расположение души есть дар, а не предмет религиозной обязанности, и потому не может быть задачей религиозного делания. Плодотворной любовь становится лишь на почве верующей и возрождающей души» [2, с. 254].

Аргументы, приводимые Бородаевским, говорят не об эпигонстве какого-либо рода с его стороны, а о принципиальном совпадении его взглядов со взглядами мыслителя, т. е. он полностью разделяет идею К.Н. Леонтьева, утверждавшего, что «религиозного происхождения нравственная любовь лучше естественной, что естественная доступна не всякой натуре, а только счастливо в этом отношении одаренной; а до религиозной любви или милосердия может дойти и самая чёрствая душа долгими усилиями аскетической борьбы против эгоизма своего и страстей» [8, с. 10].

Особенно близка была Бородаевскому идея «мистического страха», утверждаемая Леонтьевым: «Смесь страха и любви – вот чем должны жить человеческие общества, если они жить хотят» [9, с.10]. Бородаевский отметил, что понятие «страх» являлось значимой категорией в словаре Леонтьева, а в проповеди страха Божия для философа заключалось глубокое убеждение в реальности Божественного бытия и сознание опасности возбудить Его гнев; это чувство у Леонтьева сочеталось с сердечной верой. Как и К. Леонтьев, Бородаевский считал, что «возрождение начинается прежде всего страхом Божиим» [2, с. 253], и подробно рассмотрел такие понятия, как «духовный авторитет», «подвиг», «свобода и послушание» [2, с. 256]. Таким образом, общность утверждений Леонтьева и Бородаевского обнаруживает их глубинное родство, коренящееся в идентичности того идеологического пространства, на котором развёртывается их философствование.

Независимость Леонтьева от всякого догматизма и морализма подкупали Бородаевского, который, безусловно, был близок К. Леонтьеву и по складу характера, и по типу мышления, и по мировоззрению. Бородаевского привлекал парадоксальный аристократизм мыслителя: как и К. Леонтьев, В. Бородаевский из протеста к безбожию и неверию пришёл к вере и набожности; как и К. Леонтьев, В. Бородаевский всю жизнь стремился обрести тот «фундамент», ту основу, которая не даст ему «погибнуть метафизически и в земном круге не обратит «в мятущееся перекасти-поле» [2, с. 253]. Подбирая к философии К. Леонтьева «ключ, который раскрыл бы нам тайну этой сильной уединившейся души» [2, с. 253], Бородаевский тем самым дал потомкам своеобразный «ключ» к пониманию своего мировоззрения, коим и явились его работы, посвящённые «религиозной правде» Константина Леонтьева.

Поэт В. Бородаевский не только ощущал, что мир находится накануне грандиозных исторических потрясений, но и осознавал, что только вера поможет выстоять в надви-

гающейся эпохе новых небывалых всемирно-исторических раздоров:

Если твой посох расцвёл, кто помешает скитанью,

Кто преградит тебе путь, если ты с Богом идёшь?

[4, с. 61]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бородаевский В.В. Автобиография (Архив С.А. Венгерова) // РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 586. (Б/с)
2. Бородаевский В.В. О религиозной правде Константина Леонтьева // Леонтьев К.Н.: **pro et contra**. Антология: В 2 кн. Кн. 1. – СПб., 1995.
3. Бородаевский В.В. О трагизме в христианстве // Русский вестник – 1903. – № 2.
4. Бородаевский В.В. Посох в цвету: Собрание стихотворений. – М.: Водолей, 2011.
5. Дневник М.А. Бородаевской // Личный архив внука поэта В.В. Бородаевского А.Д. Бородаевского. (Б/с).
6. Козырев А.П. Константин Леонтьев в «зеркала» наследников // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Антология: В 2 кн. Кн. 1. – СПб., 1995.
7. Криволапова Е.М. Зинаида Гиппиус и её время. – Орел, 2006.
8. Леонтьев К.Н. Наши новые христиане. Ф.М. Достоевский и гр. Лев Толстой. – М., 1882.
9. Михайлова И.П. «Мои шаги – так скорбно малы»...: Личность и поэзия В.В. Бородаевского. «Вестник МГОУ». – Серия «Русская филология». – 2007. – № 2. – С. 195-199.
10. Михайлова И.П. Религиозно-мистические мотивы поэзии В. Бородаевского. – Курск, 2009.
11. Михайлова И.П. Художественный мир поэта В.В. Бородаевского. – Орёл, 2010.
12. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – Париж, 1937.

Публикации аспирантов

УДК 070(091)(470) "1856-1857"

Гаврилова А.Е.

Московский государственный областной университет

СПОРЫ О НАРОДНОСТИ НА СТРАНИЦАХ «РУССКОЙ БЕСЕДЫ» И «РУССКОГО ВЕСТНИКА» (1856-1857 ГГ.)

A. Gavrilova

Moscow State Regional University

THE DEBATE ABOUT THE NATION ON PAGES OF "THE RUSSIAN COLLOQUY" AND "THE RUSSIAN MESSENGER" MAGAZINES (1856-1857S)

Аннотация. Статья посвящена одной из главных журнальных дискуссий 1850-х годов – полемике о народности, в которой главную роль играли московские журналы «Русская беседа» и «Русский вестник». Целью статьи стало выяснение вопроса о том, в какой мере полемика отражала давний спор западников и славянофилов и насколько близок был журналу М.Н. Каткова славянофильский дух «Русской беседы». Анализ статей оппонентов выявил разность в подходах к понятию народности между западниками и славянофилами, но и обнаружил много общего в позициях журналов по вопросам национального самоопределения, подтвердил дружественное отношение М.Н. Каткова к сотрудникам славянофильского издания.

Ключевые слова: народность; журнальные дискуссии; славянофилы; западники; «Русская беседа»; «Русский вестник».

Abstract. The article is devoted to one of the main magazine discussions of 1850s, i.e. the polemics about the national spirit, the principal participants of which were Moscow magazines "The Russian Colloquy" and "The Russian Messenger". The purpose of the article is to define to what extent the polemics reflected a long-standing discussion between the Westernizers and the Slavophiles as well as to find out to what extent M. Katkov's magazine was allied to "The Russian Colloquy" with its Slavophile spirit. It was shown in the analysis of the opponents' articles that the approaches to the national spirit notion differed between the Westernizers and the Slavophiles. The analysis also revealed that the attitudes of the magazines to the national self-determination had much in common, as well as it confirmed the friendship between M. Katkov and the Slavophile magazine staff.

Key words: national spirit, magazine discussions, the Slavophiles; the Westernizers; "The Russian Colloquy", "The Russian Messenger".

Вторая половина 1850-х годов в России была отмечена расцветом журналистской деятельности. В ряду периодических изданий этого времени видное место занимали два московских журнала – «Русский вестник» и «Русская беседа», первые номера которых вышли в 1856 году.

© Гаврилова А.Е., 2013.

«Русская беседа» изначально была признана главным органом славянофильской печати, а «Русский вестник» позиционировался как издание умеренно-либерального характера. Поначалу в журнале М.Н. Каткова представители славянофильского направления и близкие к нему авторы печатали свои произведения. С разрешением издавать «Русскую беседу» славянофилы получили официальную трибуну для выступлений. Подчёркнутая славянофильская ориентация издания стала противоположностью либеральному характеру «Русского вестника», на страницах которого шло обсуждение заявленных «Русской беседой» вопросов. В основе полемики, которая развернулась в журналах после выхода первой книжки «Русской беседы», лежал давний спор западников и славянофилов. Выявление позиции «Русского вестника» в дискуссии связано с ролью М.Н. Каткова, личность которого в настоящее время вызывает интерес исследователей. Выходят в свет ранее неизвестные труды публициста, переосмыслению подвергается его вклад в историю общественной и литературной жизни России [9; 12; 13]. Что касается полемики между «Русским вестником» и «Русской беседой», главным в этом вопросе является отношение журналов к понятию народности, которое было выдвинуто на первый план событиями того времени.

В № 27 газеты «Московские ведомости» за 1856 год было опубликовано объявление о выходе славянофильского журнала [14, с. 255-257]. В этой небольшой заметке были сформулированы основные принципы редакции. Так, цель «Русской беседы» заключалась в пропаганде русской народности, в изучении русской жизни в её историческом развитии, в утверждении национального воззрения на все области науки и искусства. Вопрос о народном воззрении, заявленный редакцией «Русской беседы», стал побуждающим началом к выяснению сути давнего спора западников и славянофилов, в основе которого лежало понятие народности. Статья Ю.Ф. Самарина «Два слова о народно-

сти в науке» [15] и статья К.С. Аксакова «О русском воззрении» [2], опубликованные в первой книжке «Русской беседы» за 1856 год, положили начало обсуждениям проблемы национального взгляда и его выражения в той или иной области.

К.С. Аксаков в своей работе пытался прояснить суть возникших разногласий в понимании народности. Он говорил, что славянофилы ратуют за народное, так как оно является частью общечеловеческого. Только истинно народное произведение входит в сокровищницу мирового культурного наследия. Русское воззрение – это не замкнутость в своей национальной культуре, а национальное самосознание, с помощью которого только и возможно внести вклад в дело общее. Таким образом, славянофилы стоят за общечеловеческое, которое достижимо через национальное, в то время как западники выделяют национальное начало Запада как общечеловеческое. Мысль о внесении вклада в общечеловеческое через национальное проводилась и в статье Ю.Ф. Самарина. По его мнению, национальный дух влияет на склонность личности к открытиям, которые обусловлены её национальной природой: «<...> именно народность мысли, определяя как бы специальное её назначение в области науки, наводит её на пути к открытиям, постепенно раздвигающим пределы общечеловеческого знания» [15, с. 43]. Твёрдое воззрение на предмет исключит подражательность, следование чужой мысли.

Статьи славянофилов в «Русской беседе» незамедлительно получали отклик на страницах «Русского вестника», где их оппоненты в лице М.Н. Каткова и Б.Н. Чичерина пытались опровергнуть славянофильские идеологические построения. Так, в ответной статье Ю.Ф. Самарину под названием «О народности в науке» Б.Н. Чичерин назвал народное воззрение абсолютно субъективным понятием и выразил мнение, что «для уразумения исторических явлений <...> нужна только живая любовь к предмету да развитие познавательных способностей» [19, с. 62].

При этом критик согласился с утверждением, что каждый народ лучше знает свой национальный быт и дорожит, прежде всего, своей историей. Но это, по Б.Н. Чичерину, не есть народное воззрение. Русскую историю нужно изучать, опираясь только на факты. Народность для Чичерина – символ односторонности и пристрастности к себе. Эту мысль можно расценить как крамольную, если обратиться к тому, что вкладывали славянофилы в понятие народности. Народность – это, прежде всего, русская духовность, соединение веры и нравственности, русский дух, которым проникнуты все страницы нашей истории. Сколько бы славянофилы ни говорили об этом, противники упорно выдвигали на первый план их якобы националистические убеждения. История не может быть набором фактов: причинно-следственные связи не исключают духовной жизни нации. По Б.Н. Чичерину, не особый народный взгляд на какую-либо проблему считается вкладом в общечеловеческое, а те достижения, в которых конкретный народ смог добиться больших результатов. Не об этом ли говорил Ю.Ф. Самарин? Чичерин считал, что, прежде чем пытаться взглянуть на мировую науку с национальных позиций, русскому народу нужно усвоить себе весь накопленный ею материал. Разве славянофилы спорили с этим? Другое дело, как должен быть усвоен этот материал. Безусловно или с критической оценкой? Начавшаяся полемика была продолжена статьей редактора «Русского вестника» – М.Н. Каткова. В третьем томе «Русского вестника» была опубликована заметка редактора по поводу славянофильского направления «Русской беседы» [7]. В ней отразились схожие с мнением Б.Н. Чичерина мысли о том, что национальная самобытность заключается во всемирно-историческом значении нации и проявляется только при взаимодействии какого-либо народа с другими народами. Обращаясь к позиции «Русской беседы», автор заметки увидел аналогичное мнение о неразрывной связи национального с обще-

человеческим. В этом обнаружилось полное сочувствие идеям славянофилов со стороны «Русского вестника». Но главные постулаты славянофильства, такие, как народность, самобытность, русский дух, по мнению автора заметки, допускают различные толкования. Так, слагаемые народности, которые, казалось бы, выстроены славянофилами в иерархию «народность – национальное – общечеловеческое», могут быть представлены в обратном порядке: из общечеловеческого выделяется национальное. В качестве примера автор заметки привёл статью Ю.Ф. Самарина «Два слова о народности в науке», в которой «“Русская беседа” <...> выразила требование, чтобы в дело, по преимуществу, общечеловеческое, какова наука, было вносимо народное воззрение...» [7, с. 223]. Не упрекая участников «Русской беседы» в непоследовательности, автор поставил задачу прояснить суть славянофильского воззрения на народность. Продолжением этой статьи стала заметка М.Н. Каткова «Вопрос о народности в науке» [6], опубликованная во второй книжке за июнь. В ней он пытался осветить точки зрения Ю.Ф. Самарина и Б.Н. Чичерина. Здесь снова была выражена мысль, схожая с чичеринской: «готовое народное воззрение» – это препятствие к умственной самостоятельности, которая должна быть основана на «потребности чистой истины» [там же, с. 312]. Прежде всего, нужно развивать науку, а не пытаться внести в неё своё оригинальное воззрение. То есть народное воззрение для славянофилов – это умственная самостоятельность, а для западников – оковы для ума. Но здесь чувствуется и примиряющий взгляд критика. М.Н. Катков согласился с Б.Н. Чичериним в том, что «познающая мысль» должна «развиваться по собственным побуждениям, не руководимая никакими предпочтениями и сочувствиями, кроме любви к чистой истине, кроме одного желания знать» [там же, с. 316]. Михаил Никифорович не отрицал и критического отношения к умственному капиталу других народов: «Дело не в том, заимствуем ли мы

что-либо из умственного богатства других народов, а в том, как заимствуем, с мыслью или без мысли» [там же, с. 317]. Вот этой мыслью славянофилы и считали народное воззрение. Они не возводили его в абсолют как высшую истину, а делали средством критического отношения к познаваемому. А по М.Н. Каткову, не обычай должен быть критикой, а внутренняя самостоятельность человека: умственная и нравственная. Но разве народное воззрение заключается в обычаях? И возможна ли самостоятельность человека без национального самосознания, духовного национально-исторического опыта? По мнению редакции, воззрение на науку определяется не народностью. Она может лишь располагать мысль человека к какой-либо области знания, но подчинение мысли определённому исторически сложившемуся взгляду антинаучно. М.Н. Катков допускает, что и славянофилы в сущности думают так же, но из-за нечёткости объяснений вызывают непонимание. Естественно, славянофилы не ратовали за применение в области науки раз и навсегда установленных традиционных взглядов. Народное воззрение – это вообще не система каких-то исторически сложившихся понятий, а осознание своей причастности к духовному наследию России и способность рассматривать объект исследования с позиций духовной природы русского человека. В целом, в статьях М.Н. Каткова чувствуется не противостояние, а желание найти в споре истину.

Проблемы, связанные с применением народного воззрения, были выдвинуты в следующей статье Ю.Ф. Самарина «О народном образовании» [17], в которой он полемизировал с Б.Н. Чичериным и П. Великосельцевым [3] по вопросам о сущности просвещения народа. Это стало второй ступенью в полемике о сути научного взгляда, допускающего или исключаящего народность. Для славянофилов образованность – это «живое явление творческого народного духа» [17, с. 104], а не «вещество», взятое извне. Извне мы берём житейские правила, этикетные

нормы, которые принимаем как данность. Но бессмысленно начинать образование народа с привития ему чужих обычаев.

Разность в понимании народности рождала новые споры между двумя журналами, составляла вновь и вновь возвращаться к разъяснениям точки зрения каждого. Во второй книжке «Русской беседы» за 1856 год К.С. Аксаков опубликовал дополнение к первой статье – «Ещё несколько слов о русском воззрении» [1], в которой говорил о том, что народ станет независимым, только имея своё воззрение, выработанное веками исторического развития. Отсюда следует вывод: «Чтобы понять общечеловеческое, нужно быть собою, надо иметь своё мнение, надо мыслить самому» [там же, с. 142]. Истина постигается народом через призму его народности, не во всей полноте. Но это постижение «делается общим достоянием человечества» [там же, с. 144]. Статья стала дополнением к публикации Ю.Ф. Самарина, которая вновь вызвала возмущение противников.

Спор был продолжен ответным отзывом Б.Н. Чичерина в сентябрьской книжке «Русского вестника» [20], в котором он пытался доказать, что у русских ещё слишком мало научное наследие, ещё недостаточно развита способность самостоятельно мыслить. Это всё станет возможным только при уразумении научного опыта других народов. Самосознание народа, так же как отдельного человека, вырабатывается через общение с другими, а не даётся ему изначально. В этом обнаружилось принципиальное расхождение со славянофилами, которые не считали, что самостоятельность мысли приходит через борьбу противоречий.

На этом полемика надолго прервалась. Представленные вопросы вновь вызвали обсуждение в связи со спорами об исторических работах Б.Н. Чичерина о сельской общине в России, публиковавшихся в «Русском вестнике». В «Русской беседе» появились отзывы оппонента Чичерина – Н.И. Крылова [11], к которому присоединился Ю.Ф. Самарин [16]. В своей статье он главным недостатком работ

Б.Н. Чичерина называл «отрицательность его воззрения», которая происходит «из разобщения нашей мысли с народной средой» [там же, с. 116]. В X и XI томе «Русского вестника» за 1857 год появились ответные статьи Б.Н. Чичерина под названием «Критика г. Крылова и способ исследования «Русской беседы» [18], которые стали ответом на разборы Н.И. Крыловым и Ю.Ф. Самариним его сочинения «Областные учреждения России в XVII веке». Мысли, высказанные ранее редакцией «Русского вестника», здесь повторились в более резкой, едва ли не оскорбительной форме. Б.Н. Чичерин бросил «Русской беседе» обвинение в незнании русской истории, в мистицизме, который они величают народностью. Основанием тому послужило мнение Ю.Ф. Самарина о том, что народность отражают только науки о духовном мире. Здесь же автор указал на противоречия в суждениях славянофилов. Они ставят православие в основание народности, но при этом саму народность считают непроницаемой. Но ведь православие – чистая религия, без примеси народных элементов. Почему же другие народы не смогут познать русскую нацию? Здесь можно привести в пример рассуждения Н.П. Гилярова-Платонова о народности в религии, где богослов говорил о том, что одна и та же вера накладывает разный отпечаток на тот или иной народ, так как связана непосредственно с языком богослужения, отражается во внешней жизни, в быту, в исторической памяти поколений. Каждая вера «полагает себя в каждом историческом организме под особенным углом зрения, свойственным отличительно этой, а не другой народности» [5, с. 164].

Резкие высказывания Б.Н. Чичерина послужили поводом к упрёку М.Н. Каткова в очернении «Русской беседы». О попытке редактора оправдать свою позицию, стремлении к сотрудничеству с «Русской беседой» говорит письмо М.Н. Каткова А.Н. Попову от 7 марта 1857 года, в котором Михаил Никифорович дал объяснение своей позиции в полемике о народности между журналами.

Он с горечью писал о незаслуженности обвинения его в оскорблении «Русской беседы»: «В моих заметках не можете вы не усмотреть желанья соглашения, полное доброжелательство и готовность сочувствовать во многом существенном, конечно, при желании, чтобы это сочувственное выразилось явственнее и отделилось от того, что, по моему мнению, более или менее неверно или составляет случайную примесь к делу» [8, с. 558]. В этом же письме проявился взгляд М.Н. Каткова на задачи современной журналистики, которая, независимо от направления, должна будить мысль, «вызывать её на деятельность» [8, с. 558].

В это же время «Русская беседа» встретила поддержку со стороны. В третьем томе за 1857 год была напечатана присланная в редакцию статья Михаила Кривошапкина «Голос из Енисейска по поводу толков о народности в науке» [10]. В ней автор полностью поддержал идеи, высказанные на страницах «Русской беседы», а в выступлениях оппонентов журнала нашёл схожие со славянофильскими мысли, только высказанные по-другому: это и стремление к единству духа, и зависимость развития народа от природных особенностей и национального склада. Следом за этой публикацией вышла статья Н.П. Гилярова-Платонова «Новые объяснения по старому спору: письмо к Издателю» [4], в которой автор, отзываясь на статью С. Яхонтова в «Северной пчеле» [21], разоблачил и взгляды оппонентов из «Русского вестника», обозначив подмену понятий, которая произошла в споре. По его мнению, авторы «Русского вестника» выступали против применения народности к законам природы, а не науки. Но это не одно и то же. В осмыслении наукой законов природы всегда действует субъективное человеческое начало, дух. И каждый народ имеет свой, «ему более привычный и подручный способ представления» [4, с. 301]. По Н.П. Гилярову-Платонову, духовные различия между народами не становятся ограничением общечеловеческого взгляда, а двигают науку вперёд. Отри-

цание народности в науке – это не желание мыслить самостоятельно, а потребность затверженных понятий.

Полемика вскоре сошла на нет. Её вытеснили насущные вопросы современности. С 1858 года на страницах обоих журналов стали появляться политические, экономические статьи, отражающие конкретные вопросы предреформенного времени и отдельные проблемы, связанные с предстоящим освобождением крестьян. Попытка разрешить давние споры не увенчалась успехом. В одной проблеме сошлись разные области применения понятия «народность» и разные смыслы этого понятия. Говорить о том, что необходимо изучать свою историю и культуру, держаться исконных русских традиций и критически подходить к опыту зарубежных стран обе стороны считали само собой разумеющимся. Разногласия возникли в вопросе о том, до каких границ применение национального воззрения может быть обоснованным. Последние статьи М. Кривошапкина и Н.П. Гилярова-Платонова выявили неправильность попыток механически объяснить весь ход истории и достижения мировой науки. Они показали абсурдность возведения логического мышления в абсолют. При этом полемика выявила много общего во взглядах славянофилов и западников. И те, и другие признавали национальную предрасположенность народа к открытиям в области науки, развитие национальных начал без отрыва от общечеловеческих ценностей, обнаруживали существование особого народного взгляда на все области жизни. Разность заключалась в подходе к понятию «народность». Неясность рождали и сами славянофильские публикации, не всегда чётко выражающие главные идеи представителей направления. Если учесть нечастую периодичность «Русской беседы» (4 тома в год), то можно сказать, что благородные и обоснованные стремления славянофилов не нашли поддержки у широкого круга читателей и остались не до конца оценёнными.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксаков К.С. Ещё несколько слов о русском воззрении // Русская беседа. – 1856. – Т. II, кн. 2. – С. 139 - 147. (Смесь).
2. Аксаков К.С. О русском воззрении // Русская беседа. – 1856. – Т. I. – С. 84 - 86. (Смесь).
3. Великосельцев П. Заметки о связи между улучшенною жизнью, нравственностью и богатством в крестьянском быту // Земледельческая газета. – 1856. – 23 марта (№ 24). С. 93 - 95; 27 марта (№ 25). С. 98 - 99.
4. Гиляров-Платонов Н.П. Новые объяснения по старому спору: письмо к Издателю // Русская Беседа. – 1857. – Т. IV, кн. 8. – С. 171 - 194. (Смесь).
5. Гиляров-Платонов Н.П. О народности в религии // «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...». – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 295 - 320.
6. Катков М.Н. Вопрос о народности в науке // Русский вестник. – 1856. – Т. III, кн. 2 (июнь). – С. 312 - 319. (Современная летопись).
7. Катков М.Н. Русская Беседа и так называемое славянофильское направление // Русский вестник. – 1856. – Т. III, кн. 1 (июнь). – С. 212 - 223.
8. Катков М.Н. Собр. соч.: в 6т. – Т.5. Энергия предприимчивости: Экономика. Образование. Письма. – СПб., Ростов, 2012. – 735 с.
9. Катковский вестник: Религиозно-филос. чтения: к 190 - летию со дня рождения М.Н. Каткова. – М.: Прогресс-Плеяда, 2008. – 256 с.
10. Кривошапкин М. Голос из Енисейска по поводу толков о народности в науке // Русская беседа. – 1857. – Т. III, кн. 7. – С. 63 - 80. (Смесь).
11. Крылов Н.И. Критические замечания на сочинение г. Чичерина: Областные учреждения России в XVII в. // Русская беседа. – 1857. – Т. I, кн. 5. – С. 25 - 102. (Критика); Т. II, кн. 6. – С. 89 - 166. (Критика).
12. Перевалова Е.В. Журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания: 1856 - 1862: монография. – М.: МГУП, 2010. – 348 с.
13. Пирожкова Т.Ф. Славянофилы и славянофильская журналистика, 1840 - 1850гг.: Дисс... д-ра филол. наук в форме научного доклада. – М., 2000. – 83 с.
14. Русская беседа: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под. ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. – СПб.: Пушкинский дом, 2011. – 568 с.
15. Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Русская беседа. – 1856. – Т. I. – С. 35 - 47. (Науки).

16. Самарин Ю.Ф. Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина // Русская беседа. – 1857. Т. I, кн. 5. – С. 103 - 118. (Критика).
17. Самарин Ю.Ф. О народном образовании // Русская беседа. – 1856. – Т. II, кн. 2. – С. 85 - 106. (Смесь).
18. Чичерин Б.Н. Критика г. Крылова и способ исследования «Русской Беседы» // Русский Вестник. – 1857. – Т. X. – С. 727 - 768.; Т. XI. – С. 174 - 206.
19. Чичерин Б.Н. О народности в науке // Русский вестник. – 1856. – Т. III, кн. 1(май). – С. 62 - 71. (Современная летопись).
20. Чичерин Б.Н. О народности в науке // Русский Вестник. – 1856. – Т. V, кн. 1(сентябрь). – С. 8 - 27. (Современная летопись).
21. Яхонтов С. Исследование вопроса о народности в науке и государственной жизни // Северная пчела. – 1857. – 31 окт. – (№ 239). – С. 1132 -1134.

УДК 821.112.2-31Манн

Гельт М.Е.

Московский городской педагогический университет

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ГЕРОЯ-НАСТАВНИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. МАННА И Г. ГЕССЕ

M. Gelt

Moscow City Pedagogical University

TYPOLOGICAL FEATURES OF AN IMAGE OF MENTOR IN WORKS OF T. MANN AND H. HESSE

Аннотация. В статье рассмотрены основные типы сквозного для произведений Т. Манна и Г. Гессе образа героя-наставника (не только оказывающего непосредственное влияние на главного героя такого рода произведений, но и несущего самостоятельную значимость и для построения сюжета, и для окончательного оформления авторской позиции). Помимо самостоятельной значимости исследования этого образа для восприятия немецкой литературы XX века, очевидна его тесная соотносённость с образом главного героя произведения как выразителя духовной атмосферы своего времени.

Ключевые слова: интеллектуальный роман, герой-наставник, компаративистика, бодхисатва, Г. Гессе, Т. Манн.

Abstract. The article describes the main types of typical for the works of Thomas Mann and Hermann Hesse image of the mentor (who not only has a direct impact on the main character of the novel, but also carries the independent importance for the construction of the plot, and finalizing the position of the author.) In addition to the self-importance of the study of the image for the perception of German literature of the 20th century, it is obvious that correlation with the image of the main character is very close, for him being a spokesman for the spiritual atmosphere of the time.

Key words: intellectual novel, the mentor's character, comparative, bodhisattva, H. Hesse, T. Mann.

Жанр интеллектуального романа, возникшего на немецкой почве в XX веке, обладает рядом типичных особенностей, одной из которых является укрупнённое, генерализованное изображение человека. В центре внимания авторов – представителей этого жанра – герой, чей духовный, нравственный путь – путь становления личности – становится главной сюжетно- и формообразующей нитью произведения.

Сам термин «интеллектуальный роман» был предложен Томасом Манном в 1924 году и объединил впоследствии мощный пласт произведений мировой литературы XX века. Он включает в себя не только закономерности построения, организации пространства и даже восприятия читателем произведений такого рода, но и особенности взаимоотношений героя с внешним миром. Оговоримся, что этот термин, став атрибутом литературоведческого анализа, со временем расширил свои формальные границы по сравнению с исходным, поэтому его следует относить не только к крупным прозаическим формам, но и к другим произведениям, отвечающим содержательным особенностям жанра.

Черода потрясений, перенесённых обществом в XX веке, не могла не отразиться и не видоизменить сознание, а также духовные и интеллектуальные потребности человека. Литература, как зеркало, в котором становятся особенно заметны настроения эпохи, в свою очередь,

не могла этих изменений не отразить. К чертам новой литературы относят и размывание её границ с философией и наукой, что отражает потребность человека наблюдать более широкий спектр взглядов на действительность, и смысловую многопластовость произведения, и становящееся закономерным присутствие в произведении нескольких миров, разъединенных не только в переносном, духовном смысле, но и в прямом. В полной мере сложившееся мироощущение отразилось и в образе героя. Давать обобщённую характеристику такому герою и легко (так как его воплощения в произведениях разных авторов имеют несомненное и очевидное сходство на уровне особых потребностей и мировосприятия), и сложно, потому что не только каждый писатель, но и каждое произведение этого жанра образует мир с особой логикой, корни которой могут находиться в самых разнообразных философских или религиозных системах. В рамках данной статьи мы сосредоточимся на произведениях двух крупнейших писателей XX века – Томаса Манна и Германа Гессе – писателей, чьи художественные миры имеют массу кажущихся и реальных различий, однако соединены общностью духовного и рационального восприятия назначения человека.

Если попытаться дать предельно обобщённую и краткую характеристику герою интеллектуального романа как явлению, то эта характеристика будет основываться на следующих особенностях: во-первых, герой интеллектуального романа на духовном и интеллектуальном уровнях всегда воплощает самые значимые черты своего времени, эпохи. Именно так реализуется, в числе прочего, стремление авторов таких произведений к универсальности описываемого. Во-вторых, нетрудно заметить, что герой интеллектуального романа чаще всего с детства отмечен некоей печатью избранности, которая осознаётся им самим с разной долей серьёзности: вспомним Иосифа, а также игры маленьких Касторпа или Круля, с помощью которых они словно отделяли и ставили себя

выше остального мира, или героя повести «Демьян», в связи с образом которого слово «печать» обыгрывается не только в переносном, но и в прямом, библейском смысле (Каинова печать). Эта печать избранности обуславливает третью особенность, которая заключается в постоянном внутреннем противоборстве. Герой постоянно ощущает некую раздвоенность, неукоренённость, отсутствие гармонии, поиски которой и составляют художественную и философскую основу произведения.

Большой ошибкой было бы заключить, что все остальные действующие лица интеллектуальных романов представляют собой безликие тени, необходимые лишь формально – для построения сюжета: «... каждый из героев представляет собой нечто большее, нежели то, чем он кажется на первый взгляд: все они – гонцы и посланцы, представляющие духовные сферы, принципы и миры. Надеюсь, что от этого они не превратились в ходячие аллегории. Это тревожило бы меня, если бы я не знал, что эти героя – Иоахим, Клавдия Шоша, Пеперкорн, Сеттембрини и все прочие – живут в воображении читателя как реальные лица, о которых он вспоминает, как о своих добрых знакомых.» (Пер. с нем. Ю. Афонькина) [4, с.166]. Каждый из этих образов уникален, все они в совокупности представляют своеобразную модель мира, однако наиболее укрупненно Т. Манн и Г. Гессе рассматривают одного героя – героя, находящегося на сложнейшем пути – пути к самому себе.

Вполне закономерным представляется, что рядом с таким героем периодически появляются персонажи, которые в большей или меньшей степени оказывают влияние на его личность. Не случайно тема обучения или учительства так часто возникает в интеллектуальном романе: вспомним учителей Кнехта или Леверкюна. Однако не только учителя в прямом смысле этого слова влияют на становление героя. Одной из особенностей организации системы персонажей этого жанра является наличие некоего героя-наставника

(или героя, который хочет быть наставником), сопровождающего и направляющего своего подопечного на определённом этапе его становления.

Н.С. Павлова отмечает, что большинство немецких интеллектуальных романов продолжили «... сложившийся на немецкой почве в XVIII в. жанр романа воспитания. Но воспитание понималось согласно традиции («Фауст» Гёте, «Генрих фон Офтердинген» Новалиса) не только как нравственное совершенствование. Герои не заняты обузданием своих страстей и буйных порывов, не задают себе уроков, не принимают программ, как это делал, например, герой «Детства», «Отрочества» и «Юности» у Толстого. Их облик вообще существенно не меняется, характер стабилен. Постепенно они освобождаются только от случайного и лишнего» [2, с.208]. Иными словами, миссия наставника заключается не столько в том, чтобы развивать в общепринятом смысле этого слова, и в ещё меньшей степени в том, чтобы выбрать путь для духовного совершенствования героя, сколько сопровождать своего воспитанника на определённом этапе того пути, который он сам избрал, и охранять этот путь в первую очередь от него самого.

Тема наставничества имеет прямое соотношение с темой двойничества, чаще выделяемой исследователями в связи с творчеством Г. Гессе, однако имеющей отношение и к произведениям Т. Манна. Обычно говорится об «... обязательно присутствующем «антиподе, воплощении внутреннего голоса» (В. Седелник), «теме двойника» (А. Березина), «гессевском принципе биполярности человека» (А. Гутманис), преодолении «двойственности, обретении единства» (А. Гулыга), «раздвоенности героя, реализующейся в образе двух персонажей» (Р. Каларашвили)». Несмотря на то что зачастую герой-наставник может ещё и являться «двойником» и, наоборот, ставить знак тождества между этими образами было бы неверно. Тождество это невозможно, в первую очередь, потому, что «двойник» по отношению к главному герою

произведений Манна и Гессе всегда будет наставником, но наставник далеко не всегда будет являться «двойником» [3, с.8].

Несмотря на то что вопрос об обучении и учителях (в широком смысле слова) поднимался исследователями, мы, систематизировав и прибегнув к компаративному анализу наиболее ярких воплощений образа героя-наставника в произведениях Г. Гессе и Т. Манна, предлагаем ряд собственных моделей, на примере которых отчётливее можно увидеть не только особенности характеров героев такого типа, но и те способы воздействия на своего подопечного, которые они выбирают. Итак, как наиболее значимые и характерные мы предлагаем следующие модели:

1. Активный наставник или наставник-идеолог.
2. Пассивный наставник.
3. Наставник-бодхисатва.

Прежде чем обратиться к предлагаемым моделям подробнее, необходимо отметить, что в произведениях Манна и Гессе образ наставника всегда соотносён с образом главного героя и поэтому не обладает такой же самостоятельностью. Однако его вмешательство всегда значимо (даже если не в той мере и не в том качестве, в котором предполагает сам наставник). Вообще, слово «вмешательство» является не совсем адекватным для обозначения связи между наставником и его подопечным в произведениях этих писателей, т. к. сознание и духовная сформированность героев находятся чаще всего уже на том этапе, когда возможность случайных и ненужных вмешательств исключена. Обратимся, однако, к тем типам героя-наставника, которые были заявлены.

Воплощениями образов активных наставников или героев-идеологов являются, в первую очередь, те персонажи, для которых «воспитание» своего подопечного составляет определённую личную цель. В силу особого, очень подвижного в чувственном и духовном плане состояния героя, его способность впитывать разнообразные идеи чрезвычайно велика. Это и привлекает активного

наставника. Ни в коей мере не желая своему воспитаннику зла, герои вроде Лодовико Сеттембрини из романа Т. Манна «Волшебная гора» обрушивают на него тот груз ценностей и размышлений, который стал частью их самих, не особенно задаваясь вопросом о том, отвечает ли он изначальным потребностям подопечного. Тип наставника-идеолога ярко контрастирует с типом наставника-бодхисатвы, о котором мы будем говорить ниже, именно вследствие довлеющей силы «Я», «Эго» наставника над сознанием героя, нуждающегося в иных отношениях. Отметим, что Сеттембрини гораздо больше интересуется тот Касторп, который только что прибыл в санаторий, чем тот, который уже подвергся влиянию «горы». Тот Касторп, который соответствует его представлениям о европейском духе, не подчиняющийся и не вступающий в тесные отношения с природным началом – «мистичным и злым» (Пер. с нем. С. Апта) [5, с. 295], отвергающий тело (вспомним, начало пребывания героя в Берггофе), относящийся ко времени и пространству сугубо рационально. Именно начало «разрывания пуповины», которая связывает Касторпа с традициями европейского гуманизма, на которых он воспитывался, и приближение к стихии хаоса, природы, Азии чрезвычайно беспокоит Сеттембрини. Именно поэтому он советует Гансу уехать. Такое наставничество оказывает на героя некое влияние, однако не столь мощное, сколь хотелось бы тому, кто возвёл себя в ранг духовного учителя. Так, знакомство с Сеттембрини для Ганса Касторпа становится лишь одним из жизненных факторов, участвующих в его формировании. Участвующих не самостоятельно, а наряду с другими.

Второй тип наставника, условно обозначенный нами как «пассивный», является наставником только в сознании главного героя. Сам он вполне может не подозревать не только о возложенной на него миссии, но даже о существовании того человека, на которого он невольно воздействует. Этот живущий своей жизнью человек как бы случайно вливается в

жизнь главного героя, чтобы стать её духовным этапом именно тогда, когда для этого приходит время. Ярко иллюстрирует такой тип образ Тадзио из новеллы «Смерть в Венеции» Томаса Манна, который одним своим существованием оформляет в сознании Ашенбаха все те черты подлинной жизни, отсутствие которых в нём самом и его творчестве становится трагическим и гибельным для героя.

До последней страницы «Индийского жизнеописания» Г. Гессе примером подобного вида наставничества является аскет, которому пытается подражать Даса, главный герой повести. Этот живущий в лесу отшельник, предающийся саморефлексии, медитации, просто не замечает героя, примером для которого он служит. Однако с окончанием повести истинное обучение героя не заканчивается, а лишь начинается (выше мы упоминали о такой характерной черте построения произведения) с преобразования роли наставника, который предстаёт теперь как бодхисатва.

Этот буддистский религиозно-философский термин употреблён нами не случайно. Такой тип наставничества мы встречаем в основном в произведениях Г. Гессе, большинство из которых имеют внешнюю или глубинную соотнесённость с этой религией. Сам Гессе не всегда определяет наставников таким образом, чаще он использует ёмкое определение Учитель. Однако следуя пути, предложенному писателем, для более ясной характеристики данного типа героя этот термин представляется правомерным даже вне индийской тематики. В религиозном понимании бодхисатва – это просветлённый человек, который жертвует нирваной для того, чтобы указать путь к ней своим ученикам. В отличие от особенностей первого описанного нами типа наставничества, наставник-бодхисатва не принуждает воспитанника следовать намеченному им плану, а сам словно растворяется в своём подопечном, чтобы вместе с ним ещё раз пройти уже пройденный однажды путь. Бодхисатва просветлён,

он лишён в своих устремлениях всякого проявления «эго» (опять же, в отличие от наставника-идеолога), поэтому он прекращает свою миссию ровно в тот момент, когда для воспитанника завершается этап, требующий их взаимодействия. Ярче всего эту закономерность можно проследить на примере отношений Нарцисса и Гольдмунда в одноимённой притче, Васудевы и Сиддхартхи в повести «Сиддхартха», Демиана и Эмиля Синклера в романе «Демиан».

Позволим себе несколько уточнить позицию, высказанную Н.С. Павловой относительно отказа от образа наставника в произведении «Доктор Фаустус» Т. Манна. Исследователь связывает данную идею с изменением мировоззренческих установок, направленности произведения: «Если «Волшебную гору», а тем более «Иосифа и его братьев» ещё есть основания считать воспитательными романами, так как их герои ещё видят перед собой возможность познания или плодотворной практической деятельности, то в «Докторе Фаустусе» воспитывать некого. Это действительно «роман конца», как называл его сам автор, роман, в котором различные темы доведены до своего предела: гибель Леверкюна, гибель Германии. Образ обрыва, взрыва, предела объединяет в единое созвучие разные мотивы произведения: опасный предел, к которому пришло искусство; последняя черта, к которой подошло человечество» [2, с. 221]. Образ наставника, тем не менее, фигурирует в произведении в лице музыканта Кречмара. Всё дело в том, что сам герой не готов к его восприятию именно в силу описанной выше внутренней стагнации.

Едва ли таким же образом можно объяснить отсутствие «воспитательной» линии в некоторых произведениях Г. Гессе. В повести «Кнульп» изображён одинокий бродяга, для которого тот скитальческий образ жизни, который он себе избрал, является желанным и единственно возможным, хотя подчас тяготит. Разговор с Богом в конце повести подводит своеобразный итог жизни

героя: «Господь бог, однако, всё время улыбался, слушая Кнульпа, и по временам его лицо пропадало в метели: «Нет, Кнульп, — говорит он назидательно, — вспомни свои юношеские скитания, вспомни лето в Оденвальде и лехштеттенские деньки. Разве же ты не отплясывал там, как молодой олень, не чувствовал, как благодатная жизнь играет во всех твоих помыслах?(...) Ты всё ещё не догадался, дитя неразумное, в чём был смысл всего? Ты всё ещё не догадался, мой милый, зачем тебе суждено было пройти по жизни легкомысленным бездельником и бродягой. Да затем, чтобы внести в мир хоть малую толлику детского сумасбродства и детского смеха. Затем, чтобы люди тебя повсюду чуточку любили, чуточку поддразнивали и чуточку были тебе благодарны.(...) Слушай, — говорил ему господь, — ты мне был нужен такой, какой ты есть. Во имя моё ты странствовал и пробуждал в оседлых людях смутную тоску по свободе. Во имя моё ты делал глупости и бывал осмеян; это я сам был осмеян в тебе и в тебе любим. Ты дитя моё, брат мой, ты частица меня самого, всё, что ты испытал и выстрадал, я испытал вместе с тобой» (Пер. с нем. Е. Маркович) [1, с. 86]. В плане внутренней эволюции образ главного героя повести «Кнульп» практически неподвижен, однако именно эта неподвижность, по Гессе, гораздо больше отвечает духовной сути, предназначению героя, чем самый напряжённый и деятельный поиск. В отличие от Т. Манна, который через отказ от развития иллюстрирует духовный крах человека и эпохи, Г. Гессе рисует человека, для сохранения духовного мира которого органично стремление не к развитию (самостоятельному или с помощью кого-то), а к сохранению себя изначального.

Остановившись более подробно на этих (и подобных им) образах значило бы затронуть темы хоть и смежные с темой настоящей статьи, но значительно более широкие и самостоятельные: типологические особенности героя и особенности организации интеллектуального романа. Нашей же задачей было описать основные направления

мысли, возникающие при анализе сквозного для произведений Т. Манна и Г. Гессе образа героя-наставника. Предлагаемая градация является предельно обобщённой и будет расширена и дополнена в исследованиях более фундаментального характера.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гессе Г. Кнульп /Пер. с нем. Е. Маркович. – СПб.: Северо-запад, 1994. – 414 с.
2. Зарубежная литература XX века под ред. Л.Г. Андреева [электронный ресурс] URL: <http://www.infoliolib.info/philol/andreev/9.html> (дата обращения 30.01.2013).
3. Малащенко В.В. Проза Германа Гессе 1910-х годов; трансформация поэтики. – Калининград: изд. РГУ им Канта, 2010. – 92 с.
4. Манн Т. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. Введение к «Волшебной горе». / Пер. с нем. Ю. Афонькина. – М., 1960. – 686 с.
5. Манн Т. Волшебная гора, Т.2 /Пер. с нем. С. Апта. – М.: Крусь, 1994. – 409 с.

УДК 821.161.1-3 “19” Колосов

Капралова И.Г.

Московский государственный областной университет

**ПОВЕСТЬ В.М. КОЛОСОВА
«ПРОГУЛКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ МОНАСТЫРЯ СИМОНОВА»
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ НАЧАЛА XIX В.**

I. Kapralova

Moscow State Regional University

**V. KOLOSOV'S STORY "WALK AROUND SIMONOV MONASTERY"
IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN HISTORICAL PROSE OF EARLY 19TH CENTURY**

Аннотация. В статье рассматривается творчество малоизученного русского писателя конца XVIII – начала XIX в. Василия Михайловича Колосова (1782 – 1857). На примере повести «Прогулки в окрестностях монастыря Симонова» показано сочетание разных жанров: sentimentalной повести, путешествия, идиллии. Представлено sentimentalное изображение истории с помощью различных художественных средств; дана характеристика своеобразия историзма писателя. В статье проанализированы связи повести В.М. Колосова с традициями прозы Н.М. Карамзина (повесть «Бедная Лиза»).

Ключевые слова: историческая повесть, историзм, В.М. Колосов, литература и история, sentimentalизм, предромантизм.

Abstract. The article considers the work of insufficiently known Russian writer of the late 18th – early 19th century Vasily Kolosov (1782 - 1857). On the example of the story “Walk around Simonov monastery” the author of the article shows the combination of different genres of sentimental novels, travel, idyll. The writer presented sentimental picture of history through different artistic means, and special attention is paid to characteristic of the writer’s historicism. The paper analyzes the relation of V. Kolosov's story to the traditions of N. Karamzin's prose (story “Poor Liza”).

Key words: historical novel, historicism, V. Kolosov, literature and history, sentimentalism, romanticism.

Творчество Василия Михайловича Колосова (1782—1857), русского писателя sentimentalного направления, последователя Н.М. Карамзина, в основном привлекало внимание составителей обобщённых справочных изданий о русской литературе рубежа XVIII-XIX вв., биографических и библиографических словарей русских писателей [4; 24]. Судьба его – пример типичной карьеры чиновника первой трети XIX столетия. В 1802 г. Колосов поступил на службу в ведомство Экспедиции кремлёвского строения, впоследствии принимал участие в работе различных комиссий (1803–1813 – в грузинской, 1808–1812 – в комиссариатской и др.). В 1830 г. служил смотрителем Кремлёвского архитектурного училища, был уволен в обер-офицерском чине в 1832 г. по состоянию здоровья.

Не более известно и о литературном творчестве Колосова. Первые его стихи были напечатаны в Москве в 1801 г. по случаю восшествия на престол Александра I. Несколько стихотворений опубликовал в 1803–1805 гг. в «Друге просвещения» и «Новостях русской литературы»; входил в число авторов вышедшего в Москве в 1814 году «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г.».

© Капралова И.Г., 2013.

В различных словарных изданиях сведения о творческом пути В.М. Колосова в основном касаются библиографии сочинений писателя. Так, в Справочном словаре Геннади представлены следующие произведения В.М. Колосова: «Плач России и неизречённая радость о восшествии на престол императора Александра I» (М., 1801); «Плод энтузиазма, лирическое сочинение» (на случай коронаций Александра I), (V. 1801); «Прогулки в окрестностях Симонова монастыря» (М., 1806); «Воробьёвы горы» («Новости Русской Литературы», 1804 г.); «Стихи Петру Андреяновичу Познякову на случай открытия им, в его доме, публичных представлений и маскарардов в пользу бедных и инвалидов 1814 года» (М., 1814); «Хор в честь русских героев, избавивших Европу от французского ига» (М., 1814) [2, с. 123]. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1890-1907) приводятся и другие публикации писателя: «Глас Россиянина» (М., 1814); «Польский в честь императора Александра I» (М., 1814); «Польский на день рождения императора Александра I» (М., 1814). Также в словаре высказывается мысль о посредственности стихов В.М. Колосова, а также о написанном в прозе произведении «Прогулки в окрестностях Симонова монастыря» (М., 1806 г.), представляющем собой «слабую дань карамзинской сентиментальности» [4, с. 24].

Повесть В.М. Колосова «Прогулки в окрестностях монастыря Симонова» практически не привлекала внимания исследователей. Между тем, это интересный образец массовой литературы сентиментализма, свидетельствующий о популярности наиболее распространённых мотивов карамзинской прозы, её основных приёмов, бывших основой привлечения читательского внимания. «Прогулки...» представляют собой соединение жанров сентиментальной повести, путешествия, путеводителя, идиллии, научно-популярной статьи и отчёта о филантропических мероприятиях. Сам стиль, сентиментальное отражение истории являются средствами возбуждения чувства у публики. Уже в обращении к

читателям прослеживается сентиментальная направленность, В.М. Колосов посвящает свой труд «сердцам чувствительным и душам благомыслящим» [7, с. 3]. В предисловии автор называет свое произведение «слабый цветок в неувядаемом саду отечественной словесности» [7, с. 6] и надеется, что повесть его доставит удовольствие «читателям и читательницам», явно ориентируясь на женский вкус, «чувствительность» как нравственно-эстетическую установку, необходимую для достижения сентименталистского идеала чтения-сотворчества.

В дальнейшем приёмы сентименталистского повествования о жизненных впечатлениях, бывшие необходимым содержанием «прогулки» как особого жанра, постоянно взаимодействуют с собственно литературными реминисценциями, в первую очередь из произведений Н.М. Карамзина и близких ему авторов (так, автор упоминает повесть «русского Стерна» «Бедная Лиза» [7, с. 12-13], философский трактат Ш. Бонне «Созерцатель природы», бывший одним из любимых источников для писателей-сентименталистов в построении природных картин [7, с. 19], переводы повестей Мармонтеля, выполненные Н.М. Карамзиным [7, с. 23] и др.).

Характерная для сентиментализма установка на риторичность художественного изображения окружающего мира приводит в повести Колосова к тому, что писатель словно бы балансирует в своём видении действительности между собственно жизненными впечатлениями и теми литературными ассоциациями, которые уже связались с этими впечатлениями как в душе чувствительного автора, так и его читателей. Само видение панорамы Москвы в начале «Прогулок...», равно как и структура периодов, оказываются спроецированы на карамзинские описания города и размышления об одиноких прогулках, помещённые в начале «Бедной Лизы»¹: «Кому из Московских жителей не

¹ О популярности этого приёма, прочно ассоциировавшегося в читательском сознании той поры с творчеством Н.М. Карамзина, и в первую очередь с повестью «Бедная Лиза», см. [1, с. 1-12]

известны очаровательные окрестности Монастыря Симонова? – Чьё сердце, напитаемое чувствительностью, не ощущало приятных биений при прогулке в Майские вечера благоарастворённые, по усеянными ароматическими цветами лугам, окружающим знаменитые древностию стены и башни его?...» [7; 7]; ср.: «Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели – куда глаза глядят – по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты» [6, с. 605].

Основу литературной традиции жанра прогулки для литературы русского сентиментализма составляли в основном «Прогулки одинокого мечтателя» Ж.-Ж. Руссо, в свою очередь ставшие основой для вариаций жанра в творчестве Н.М. Карамзина («Прогулка», «Письма русского путешественника»), М.Н. Муравьева («Обитатель предместья», «Утренняя прогулка»), И.М. Долгорукова («Прогулка в Савинском», «Прогулка на Трёх горах» и др.). Общие черты, проявляющиеся в указанных произведениях, позволяют говорить о «прогулке» как особом типе выстраивания отношений человека и природы, особом состоянии души, а также о «прогуливающемся» лирическом герое, некоем «дворянине-философе», открытом всем впечатлениям бытия. Эта-то открытость и становится основанием тех ассоциативно обусловленных образов, возникающих в литературном описании «прогулки»; их последовательность и сменяемость связана с передачей сочувственного восприятия картин природы, отличавшего тот тип художественного творчества, который сложился в литературе сентиментализма.

Именно такой тип выстраивания взаимоотношений человека и окружающего мира – однако представленный на «низовом» уровне массовой литературы – присутствует в повести В.М. Колосова. Свободно переходя

в изложении впечатлений с одной темы на другую, автор замечает: «Будучи рабом сбивчивых мечтаний моих, перенёсся я к изгибам сердца человеческого, рассуждал о пагубных следствиях страстей и обольщения» [7, с. 12] – так мотивы «Бедной Лизы» появляются в его сознании вслед за воспоминаниями об «истории деяний человеческих». Житейские впечатления прогулки выводят рассказчика к философским размышлениям о Боге, мудрость и благодать которого открывается в картинах природы: «Премудрый Творец и Правитель миров видимых и невидимых! – Произнёс я в сердечном умилении, – сколь велик Ты и непостижим сам в себе, столько же велик в Твоём творении!» [7, с. 15].

Особое место в повести занимают идиллические мотивы. Это задано уже изначальной авторской установкой: ориентироваться на нежный, в первую очередь женский вкус читательниц. Идиллическое начало разлито в представленных картинах природы, в самом перечислении пейзажных деталей заметна установка на особую «сладость», трогательность описания, которое должно пробудить в читателе не только этическое «сочувствие», но словно бы сходные ощущения – цветов, звуков, запахов: «Палевые пятна, разбросанные по голубому горизонту, предвещали скорый восход солнца. Кукушкины слёзки и полевые жасмины освежали чувства... благоуханными испарениями; гористовка и малиновка как нектаром упояли меня гармонической своею песнию...» [7, с. 15]. Потому-то прогулка по деревням в окрестностях Симонова монастыря проецируется в описании на пасторальную традицию: автор будто бы гуляет по Аркадии, бродит по хижинам её обитателей, жилищу Палемона – героя повести Мармонтеля. В идиллических тонах выдержан и эпизод встречи с крестьянами – добрым стариком и двумя детьми, его воспитанниками; старик сам рассказывает путешественнику историю собственной жизни, «с простым, но трогательным красноречием» [7, с. 38].

Однако наиболее значительное место в повести Колосова занимают исторические

мотивы. Обращение писателя к ним также обусловлено жанровым заданием «прогулки», включавшим не только передачу эмоционально-субъективных впечатлений рассказчика, но и своеобразную просветительскую цель – созерцая встречающиеся памятники протекших времён, раскрыть перед читателем исторические ассоциации, с ними связанные. Этот опыт был хорошо известен тогдашним поклонникам сентименталистского направления в литературе по историческим очеркам Н.М. Карамзина, появившимся на страницах «Вестника Европы»: «Исторические замечания и воспоминания по пути к Троице» и др.

Исторические мотивы возникают в повести Колосова постоянно, тесно взаимодействуя с собственно «чувствительными»: созерцание трогательных картин окружающего мира ассоциативно вызывает в памяти повествователя события прошлого, которые с ними связаны. В результате и сама история обретает здесь лирическую, эмоциональную окрашенность. Так, субъективно-эмоциональные тона присутствуют в своеобразном автопримечании – исторической справке о прошедших годах Симонова монастыря в начале повести: «Симонов мужской монастырь первого класса, в Москве за Земляным городом, как значится в общем о монастырях описании, начат строиться Св. Феодором, Архимандритом, племянником и учеником Преподобного Сергия Чудотворца <...> Внутри сей церкви погребены Александр Пересвет и Родион Ослеб, иноки, коих в 1380 году великий Патриот, Св. Сергий, избрав из монашествовавшей братии, снабдил оружием для защищения России от нападения со многочисленным войском Мамая, Князя Татарского, при Державе Великого Князя Димитрия Иоанновича Донскаго. <...> При воззрении на скромные их мавзолеи, я осмелился начертать несколько стихов, кои здесь и помещаю: Сыны смирения, Герои в грозной брани! // Спасена вами Мать на вас с улыбкой зрит; // Почтенны иноки! – простря нежнейши длани, // Венцом бессмертия Рос-

сия вас дарит: // Покойтесь, славные. В священных сих стенах, // Вам жертвы воскурят в позднейших временах!..!» [7, с. 8-9]. Трогательная история старика вводит в контекст авторских размышлений воспоминания о Екатерине II и русско-турецкой войне, подвигах русских солдат при взятии Очакова. Картины села Коломенского и Царицына вызывают в душе автора воспоминания о Петре I, Екатерине II, о великом прошлом России: «Коломенское!... твоё имя начертано в сердце моем – в сердце каждого Россиянина! – с именем Петра оно пребудет незабвенным в позднейших летописях нашей истории!.. <...> Великая почла себе за долг посетить колыбель Великого и поставила счастливое своим жребием, процветающее снова Царицыно прекрасным памятником своего присутствия» [7, с. 51-52].

При этом обращает на себя внимание, что историческое у Колосова, как правило, предстаёт в тесном взаимодействии с природным. Одним из образов, который способствует установлению этой связи в повести, становится усадьба. По определению Д.С. Лихачева [8], Е.Е. Дмитриевой [3], Е.П. Зыковой [5] и др. современных исследователей литературного контекста усадебной образности, усадьба, как и сад, несла в себе идею синтеза различных временных рядов, словно бы останавливала время. Попытку такого видения находим и в повествовании Колосова. Так, земля Коломенского и Царицына до сих пор помнит шаги Екатерины «на коврах зеленобархатных» [7, с. 51], т. е. на лужайках усадьбы. Гуляя среди исторических мест, герой повести собирает впечатления подобно своеобразному «гербарии» (мотив, восходящий к «Прогулкам одинокого мечтателя» Руссо), что также наполняет размышления о прошлом субъективно-эмоциональным содержанием.

Историческое в повести Колосова тесно переплетено с размышлениями о сегодняшнем дне, прежде всего о правлении Александра I, изображение которого благодаря подобному приёму получает больший масштаб,

позволяет выявить сущность тех нравственных и политических «уроков», которые даёт история. Так, при посещении деревни Кожуховская, автор размышляет о неразрывной связи сегодняшнего дня и великого славного прошлого: «Да устыдятся самих себя... враги наши и, повергшись в чистосердечном раскаянии к стопам венчанной Кротости в образе Александра Первого, да научатся из младых премудрых уст его сей высокой истине, что не война, а мир творит счастливыми человек!» [7, с. 49].

Таким образом, повесть Колосова вбирала в себя элементы не только различных жанровых моделей «массовой» прозы рубежа XVIII-XIX вв., близких сентиментализму, но сохраняла рационально-нормативную установку на дидактизм, а также неизбежную условность изображения истории, свойственную классицистской традиции. Эклектичность позиции позволила Колосову-писателю выстроить художественную модель прошлого, в которой сочетались бы эмоционально-субъективное и дидактическое, личностное и «всеобщее» начала, что и определило его своеобразное место в истории «массового» карамзинизма в русской литературе начала XIX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатова Т.А. Литературное образование М.Ю. Лермонтова и проблема места русского XVIII века в историко-литературной концепции поэта // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – М., 2013. – № 2. – С. 1-12.
2. Геннадии Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и учёных, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г. – Берлин, 1880. – Т. 2. – 438 с.
3. Дмитриева Е.Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа. – М., 2008. – 528 с.
4. Зорин А.Л. Колосов В.М. // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. – М., 1994. – Т. 3. – С. 24.
5. Зыкова Е.П. Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции // Миф. Пастораль. Утопия. Литература в системе культуры. – М., 1998. – С. 58-71.
6. Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2-х т. / сост., подгот. Текста и примеч. Г.П. Макогоненко. – М.; Л., 1964. – Т. 1. – 671 с.
6. Колосов В.М. Прогулки в окрестностях монастыря Симонова. – М.: В типографии Платона Бекедова, 1806. – 87 с.
7. Лихачёв Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. – М., 1998. – 471 с.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890—1907). – Т. 15. – СПб., 1895. – 867 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СЛОВО. СЛОВАРЬ. СЛОВЕСНОСТЬ: (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.И. ГЕРЦЕНА)»

14 – 16 ноября 2012 года в Санкт-Петербурге прошла Всероссийская научная конференция «Слово. Словарь. Словесность: (к 200-летию со дня рождения А.И. Герцена)», организованная кафедрой русского языка РГПУ им. А.И. Герцена. Конференция «Слово. Словарь. Словесность» проводится ежегодно в середине ноября и традиционно посвящается одной из знаменательных дат или актуальной теме. Цель всех конференций под общим названием «Слово. Словарь. Словесность» – объединение научных усилий в работе над актуальными проблемами исследования текста, лексическими, лексикографическими и грамматическими аспектами изучения языка писателя, исследованиями языковой личности, речевой коммуникации, речевого поведения, а также проблемами изучения русского языка в вузе и школе. В прошедшем году мероприятие прошло при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Не случайно Российский государственный педагогический университет, носящий имя А.И. Герцена, стал местом проведения конференции, посвящённой двухсотлетию со дня рождения выдающегося мыслителя, писателя и публициста Александра Ивановича Герцена. В последние десятилетия имя Александра Ивановича Герцена и его творческое наследие было незаслуженно обделено вниманием исследователей. Однако результаты прошедшей конференции показали, что научный интерес как к идеям и языку писателя и философа, так и к его языковой личности велик.

На конференции рассматривались не только лингвистические аспекты изучения творчества А.И. Герцена, но и актуальные проблемы исследования текста; изучения языковой личности, речевой коммуникации и речевого поведения.

Пленарное заседание открыла д.ф.н. зав. кафедрой русского языка РГПУ им. А.И. Герцена Валентина Даниловна Черняк, председатель оргкомитета конференции.

Доклад «Петербург глазами А.И. Герцена: эссе «Москва и Петербург» профессор **В.А. Ефремов** (Санкт-Петербург) посвятил эссе-«шутке» «Москва и Петербург», в котором А.И. Герцен с помощью разнообразных логических и языковых средств и приёмов, с одной стороны, создаёт комическое начало, с другой – обнаруживает двойственное и не до конца осознанное им самим отношение к Петербургу, тем самым продолжая традицию сложно организованного «Петербургского текста».

Профессор **С.Г. Ильенко** (Санкт-Петербург) в докладе «Пушкинские мотивы и интертекстуальные вкрапления на страницах «Былого и дум» А.И. Герцена» представила интересные диалогические параллели в творчестве двух русских писателей.

Профессор **В.Д. Черняк** (Санкт-Петербург) описала мастерство речевых портретов, созданных А.И. Герценом в «Былом и дум» в докладе «Риторическая тема» в «Былом и дум».

Доцент **Т.В. Гончарова** (Липецк) в докладе «Чужих певцов блуждающие сны...» рассмотрела интертекстуальные связи, представленные в произведении А.И. Герцена «Былое и

думы». Она убедительно продемонстрировала, что в «Былом и думах» переплетаются знаки, восходящие к разным произведениям, сочетаются элементы разных прецедентных текстов, которые исследователи называют «материальными знаками интертекстуальности». Прецедентные имена, по мнению учёного, могут стать средством идентификации и самоидентификации автора-повествователя или персонажа.

А.В. Крейцер (Санкт-Петербург) в своём выступлении «“Новый” А.И. Герцен» опирался на мысль В.Г. Белинского, писавшего А.И. Герцену о его «осердеченном» уме, т. е. уме, согретом сердцем. Учёный попытался ответить на вопрос, как цитаты из произведений А.И. Герцена были использованы представителями разных политических направлений.

Профессор **И.Г. Милославский** (Москва) в докладе «Потребности и возможности совершенствования русского литературного языка XXI в.» подчеркнул, что главные функции языка состоят в том, чтобы 1) именовать окружающую действительность и 2) обеспечить оптимальное взаимопонимание между носителями языка. Докладчик обратил внимание на особую ответственность, которая лежит в обеспечении этих обеих функций на профессиональном сообществе специалистов по русскому языку. По мнению автора, в настоящий момент русский язык не поспевает за стремительно меняющейся действительностью, и следует выделить три требующие особого внимания аспекта: 1) явления без номинаций (языковые лакуны); 2) непреодолеваемая контекстом многозначность; 3) ограниченная в употреблении лексика без литературных эквивалентов.

Более 80 учёных из Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Пскова, Архангельска, Екатеринбургa, Перми, Ставрополя и других научных центров России выступили на секционных заседаниях конференции «Слово. Словарь. Словесность». Московский государственный областной университет представляла к.ф.н., доцент **В.В. Никульцева**, доклад которой был посвящён проблеме изучения окказиональных паронимов и вариантов в неолексиконах Велимира Хлебникова и Василия Каменского.

Конференцию завершил **Круглый стол, посвящённый 90-летию профессора Веры Васильевны Степановой**. Участники круглого стола вспоминали выдающегося педагога, большого учёного, замечательного человека и обсуждали результаты научного творчества В.В. Степановой, нашедшие отражение в современной лингвистике.

Выступления с докладами на пленарном и секционных заседаниях, круглый стол, презентации научных монографий и учебных пособий позволили создать благоприятную среду для научного общения, представления новых идей и распространения опыта преподавания русского языка. К началу работы конференции был издан сборник материалов, с которым можно ознакомиться на кафедре русского языка и в Фундаментальной библиотеке Герценовского университета.

По общему мнению, высказанному многими участниками конференции, проведённое юбилейное мероприятие способствовало исследованию актуальных проблем современной лингвистики и открыло новые направления в изучении языка писателей в целом и А.И. Герцена в частности.

В.В. Никульцева, А.И. Дунев

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ

НА МОНОГРАФИЮ И.А. КИСЕЛЁВОЙ «ТВОРЧЕСТВО М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА». (М.: МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2011. – 313 с.)

Монография И.А. Киселёвой «Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система» посвящена актуальной для современной науки проблеме интерпретации религиозно-философской рецепции творчества М.Ю. Лермонтова. Осмысляя духовные истоки творчества поэта-классика на основе современной методологии и инструментария филологической науки, исследователь рассматривает дискуссионные вопросы изучения лермонтовского наследия от XIX века до сегодняшнего дня. При этом автор монографии чётко заявляет свою позицию, реализуя «герменевтическое прочтение произведений, включающее историко-литературную и ценностно-ориентированную реконструкцию рассматриваемой эпохи» (с. 8).

Композиция исследования определяется необходимостью описания религиозно-философского и художественного своеобразия творчества М.Ю. Лермонтова как системы, включающей всё многообразие функциональных связей между Богом, миром и человеком. Каждая из пяти глав монографии воссоздаёт разные уровни духовно-культурного фона, внутри которого по своим эстетическим законам реализуется художественное мышление классика. В первой и второй главах монографии автор разрабатывает методологию, основанную на аксиологическом подходе, позволяющем наиболее адекватно реставрировать воплощение духовно-нравственного потенциала христианства в творческой системе М.Ю. Лермонтова. И.А. Киселёва сосредоточила своё внимание на доказательстве специфики метода М.Ю. Лермонтова, определяемого как символический реализм. В основе системы доказательств лежит чётко выстроенная убедительная концепция, дающая возможность «расшифровать» метафизический смысл внешних явлений, созерцаемых поэтом.

В третьей и четвёртой главах автор исходит из положения о том, что художественный пейзаж является и образом истолкования духовного смысла природы, и способом самопознания как одной из ступеней познания Бога, свойственного наделённому даром созерцания инобытия М.Ю. Лермонтову. Через категорию идеала И.А. Киселёва последовательно доказывает, что этическая система поэта является выражением национальных особенностей культуры и в своём личностном наполнении не может быть интерпретирована вне религиозно-православных онтологических и антропологических оснований. Заслугой автора исследования является комплексный анализ представленного в разных видах искусства духовного состояния эпохи. Системный подход, реализованный в установлении связей между реальным и символическим планами, аргументирует мысль автора монографии об иерархичности и целостности лермонтовской натурфилософии как составной части религиозно-этического идеала, определяющего своеобразие лермонтовского творчества.

Актуальные теоретические вопросы интерпретации творчества классика резюмируются в пятой главе монографии «Историософия Лермонтова: вселенское и национальное». Логика авторской мысли приводит к выводам о том, что концепция истории поэта основана на идее Москвы – Третьего Рима, что именно диалектика земного и небесного во многом определяет тонкое понимание и художественное воплощение духовного смысла современных событий и даёт возможность обозначить перспективы развития русской истории.

Монография И.А. Киселёвой является значимым событием для современной литературоведческой науки. Сложные проблемы, рассматриваемые на основе интегрированного подхода, дают пищу для дискуссий, свойственных напряжённой научной мысли. В исследовании детально проработаны все функциональные связи между элементами художественно-философской системы творчества М.Ю. Лермонтова, вписанного в духовно-нравственный контекст национальной истории и осмысленного в онтологическом аспекте.

И. А. Казанцева

«РЕКА ЖИЗНИ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА»

Так называется книга, вышедшая в Красноярском издательстве ИПЦ «КАСС» (2010 г., 528 с.), обращённая к широкому кругу читателей, необходимая для изучения творчества Астафьева. Она имеет подзаголовок «По страницам публикаций», содержит большой материал из эпистолярного наследия, архивных документов и фотодокументов фондов МБУК «Библиотеки-музея В.П. Астафьева» в Овсянке и Дивногорском городском музее и личных фотографий. Составитель летописи – главный хранитель библиотеки-музея В.П. Астафьева в Овсянке Валентина Георгиевна Швецова.

С одной стороны, книга сближается со справочными и библиографическими изданиями¹, с эпистолярным дневником «Нет мне ответа... 1952–2001» (Иркутск, 2009, 720 с.), где в предисловии Геннадия Сапронова представлена личность писателя как человека чуткого к чужим бедам, желающего поделиться с близким ему и радостью, и огорчением, как человека свободного «и в жизни, и в творчестве».

С другой стороны, «Река жизни Виктора Астафьева» не несёт в себе строгой библиографической информации, отличается от предшествующих изданий богатством привлечённого материала и стремлением хронологически представить жизнь писателя в полном объёме. Книга В.Г. Швецовой – это и не библиографическое издание, и не исследование, не эпистолярный, а работа, синтезирующая эти аспекты. Главное для составителя – воссоздание судьбы Астафьева с опорой на его воспоминания, многочисленные интервью в «Комсомольской правде», «Красноярском рабочем», журнале «День и ночь», материалы из книг о нём: М. Корякиной-Астафьевой «Знаки жизни» (1994), Н. Яновского «Виктор Астафьев» (1982), Т.Я. Брискман «Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество» (1999).

Летопись разделена на семь частей, каждая из которых посвящена конкретному периоду жизни. Первая часть – с рождения до 1960 года открывается астафьевскими строчками из автобиографии: «Родился-то я в бане, в доме всё было занято, родиться в избе негде было...» (Виктор Астафьев)².

Вторая часть охватывает время с 1959 по 1975 год, когда Астафьев входил в литературу и утверждался в ней, а потом отразил этот путь в книге «Посох памяти» (1980), в переписке с критиком и старшим товарищем по цеху В. Макаровым («Астафьев В., Макаров А. Твердь и посох» – 2005) и писателем и публицистом В. Курбатовым («В. Астафьев, В. Курбатов. Крест бесконечный» – 2002). Используются также статьи Н. Волокитина, Е. Городецкого, А. Щербакова, опубликованные в «Енисее». Хронологически этот период совпадает с переездом Астафьева из Перми в Вологду и работой над одним из вариантов «Пастуха и пастушки», глав «Последнего поклона» и «Царь-рыбы», «Кражи», присуждением в 1978 году Государственной премии РСФСР.

Коротенькая третья часть летописи посвящена четырём трудным годам в жизни Астафьева, из которой видно, как рвётся в Сибирь его сердце. Покупает дом в Овсянке, едет в Игарку, к месту своего взросления. Удостоен звания «Почётного гражданина Игарки». В августе 1980 года окончательно переезжает из Вологды в Красноярск в Академгородок на Гремячей горе.

¹ Библиографический указатель. Сост.: Сакова Н.Я., Фарбер В.Ф., Гайнутдинова Г.М., Заднепровская Т.И. Производственно-издательский комбинат «Офсет» – Красноярск, 1999. – 224 с.; Дар слова: Виктор Петрович Астафьев (к 85-летию со дня рождения): библиогр. указ.: статьи. – Иркутск, 2009. – 640 с.

² Река жизни Виктора Астафьева / сост. В. Г. Швецова. – Красноярск: ИПЦ «КАСС», 2010. – С. 33. В дальнейшем при цитировании указывается страница этого издания.

Небольшой отрезок времени с 1980 по 1985 годы лежит в основе четвёртой части. Из переписки с коллегами по цеху В. Курбатовым, А. Борщаговским, композитором Г. Свиридовым и другими жизнь Астафьева предстаёт насыщенной и бурной: постановки его произведений на сцене театров, съёмки фильмов, поездки за рубеж – в Болгарию, Японию, Грецию, Египет, Турцию, Израиль, многочисленные встречи с читателями. Писатель в самом расцвете сил. Отзывается о творчестве Николая Рубцова, Василя Быкова, Валентина Распутина, «лучшего друга Евгения Носова» и других. Завязывается дружба с актёрами Анатолием Папановым, Михаилом Ульяновым, Львом Дуровым. Композитор О. Меремкулов обращается к прозе Астафьева и пишет третью симфонию, Аркадий Нестеров создаёт оперу «Современная пастораль» по мотивам «Пастуха и пастушки».

Уже существует библиотека в Овсянке. Отовсюду идут к Астафьеву письма от читателей. В связи с 60-летием он награждён орденом Трудового Красного Знамени. Продолжает работу над повестью «Весёлый солдат», пишет роман «Печальный детектив». Выход «Проклятых и убитых» (1992 год) ещё впереди, но весь четвёртый раздел летописи проникнут астафьевским желанием осуществить этот грандиозный замысел: «О войне мне хочется писать по-своему» (с. 261).

Из писем, отзывов читателей на «Печальный детектив», «Всеми свой час», «Жизнь прожить», выступлений Г. Бакланова, Г. Троепольского в Правлении Союза писателей в 1986 году по поводу рассказа «Ловля пескарей в Грузии», из работы над дополнительными главами «Последнего поклона» и пятнадцатитомным собранием сочинений, из сотрудничества с театральными коллективами в постановках своих пьес, из встреч с писателями и актёрами, политическими деятелями (с Рейганом в Москве) предстаёт насыщенная и нелёгкая жизнь писателя.

В летописи приводятся яркие впечатления от поездки на греческий остров Патмос и посещения пещеры апостола Иоанна Богослова, от бессмертной книги «Апокалипсис». На родной земле встречи, как с детдомовцами, так и с первыми секретарями райкомов, горкомов. Ходатайство о реабилитации группы крестьян из Овсянки по обвинению органами ОГПУ весной 1931 года в создании контрреволюционной вооруженной организации в селе. Присвоение звания Героя социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» (1989). «Самоотвод» в 1989 году по поводу выдвижения в кандидаты в народные депутаты СССР.

Но за всем этим житейским и суетным стоит огромный творческий порыв и желание работать. В письме к В. Курбатову от 2 декабря 1989 года Астафьев пишет: «<...> ото всех всеми силами отбиваюсь <...> Спасаясь музыкой, дома слушаю» (с. 361). В. Курбатов А. Борщаговскому сообщает: «Виктор Петрович много работает. В очередной раз переписал (опять ужесточив) «Пастушку», начал, наконец, так давно обещаемый роман о войне <...>

«Прокляты и убиты» будет называться роман, и я предчувствую, что он, не ставя себе этой задачи, многое объяснит и в нынешнем безумии, в нынешнем бодром шествии к нравственной смерти. Навалятся на Виктора Петровича за этот роман и левые, и правые, и наши военные, и чужие, потому что *он отказывает войне в праве называться героической и отказывает человечеству в праве называться человечеством*, пока этот способ решения проблем остаётся возможен» (с. 362-363) (курсив мой. – Н. Ш.).

Шестая часть книги-летописи охватывает пять лет (1991-1996). Материалом для неё послужили упоминавшиеся выше источники. Большая роль отводится книге «В. Астафьев, В. Курбатов. Крест бесконечный» (2002), изданной уже после смерти писателя. Проступает активная позиция радетеля за русскую литературу (выступление Астафьева на симпозиуме в Шотландии, г. Эдинбург); за русский театр, «свой» театр, который вправе иметь и А. Папа-

нов, и М. Ульянов, и Л. Дуров (письмо к вдове А. Папанова Н.Ю. Папановой от 7 сентября 1992 г.). В 1992 году Астафьев становится членом Академии творчества, вручать удостоверение приезжала большая делегация, в которую входили Дмитрий Лихачёв, Евгений Нестеренко, Ирина Архипова, Чингиз Айтматов.

1991 год ознаменован присуждением Астафьеву Государственной премии в области литературы за повесть «Зрячий посох», а в 1994 он награждён Орденом Дружбы народов и Государственной премией Российской Федерации за диологию «Прокляты и убиты», а также премией «Триумф», вручённой в Бетховенском зале Большого театра.

На праздновании 70-летия писателя побывал первый Президент СССР М.С. Горбачёв, позже в Красноярск приезжал Б.Н. Ельцин.

21 июня 1994 года состоялась встреча Астафьева с Солженицыным захватившим по дороге из Вермонта в Москву: «С Солженицыным проговорили около трёх часов «без свидетелей». Вот это была беседа полноправная, с полуслова понимали друг друга, разночтений не было – Великий муж Александр Исаевич, Великий! С ним общаться нелегко, ответственно, но интересно и, надеюсь, взаимообогащающе» (с. 391).

Астафьев пишет повесть «Обертон», новый вариант «Весёлого солдата». Регулярно на Красноярской земле проходят «Литературные встречи в русской провинции», на которые съезжаются писатели М. Кураев, Г. Прашкевич, Л. Бородин; критики и литературоведы В. Курбатов и М. Чудакова; О. Либова (РНБ). Гостями В.П. Астафьева в Овсянке были артисты О. Табаков, А. Петренко, В. Золотухин, Д. Хворостовский; писатель Г. Бакланов и др.

Со слов Марии Семёновны Карякиной-Астафьевой, приведённых в летописи, читатель узнаёт об усталости писателя, о том, что он «все силы свои до предела» отдаёт на «Литературные встречи» и на 15-ти томное собрание сочинений с комментариями.

В 1998 году состоялось освящение храма в Овсянке, построенного по его инициативе. В этом же году писатель удостоен премии Международного литфонда «За честь и достоинство таланта» с вручением скульптуры Дон-Кихота.

Совсем коротким представлен в книге В.Г. Швецовоой последний период жизни Виктора Астафьева (1999-2001 гг.). К уже ранее использованным источникам добавляется широко цитируемая мемуарная книга «И открой в себе память...»: воспоминания о В.П. Астафьеве: материалы к биографии писателя, выдержавшая два издания (Красноярск 2005, 2008), и странички из дневника составительницы летописи В.Г. Швецовоой, доносящие читателю во многом бытовые подробности жизни Астафьева, а также переживания, вкусы, привычки. В качестве эпиграфа взяты его слова: «Сохрани, земля, своих певцов, и они восславят тебя...» (с. 430). Накануне 75-летия выходит фотоальбом «Рождённый Сибирью» с вступительной статьей Г.М. Шлёнской. Писатель вручает премию фонда имени Астафьева молодым представителям творческой молодёжи, журналистам, деятелям искусства, поддерживая одарённых молодых авторов, проводит семинар литераторов, даёт многочисленные интервью.

«Музыкальное приношение Виктору Астафьеву» преподнёс в Красноярске руководитель Московского театра «Новая опера» Евгений Колобов, в честь юбиляра в малом зале консерватории он дирижировал симфоническим оркестром. Писатель подружился с композитором. Обнаружились общие привязанности к музыке практически неизвестного итальянского композитора Томазо Альбини. Стихотворение Астафьева «Ах, осень, осень...» положено на музыку В. Пороцким.

Много материалов в «Реке жизни Виктора Астафьева» посвящено коллективу библиотеки в Овсянке, его связи с писателем. По существу это место стало для него родным домом, где был маленький кабинет «Отдел книг В.П. Астафьева», гостиная для посетителей, хранилище рукописей.

Болезни, недомогания Астафьева требовали к нему внимания и заботы. Их проявляли не только друзья и родные, но и работники библиотеки и составитель летописи Валентина Георгиевна Швецова, как видно из её воспоминаний. Отметили 25 лет библиотеке, в 1994 году построено новое здание, она преобразована в библиотеку-музей.

20 лет минуло, как вернулся на родину Виктор Астафьев. Он по-прежнему участвовал в «Литературных встречах в русской провинции». Последней наградой в апреле 2001 года стала премия театра-студии Олега Табакова «За великую любовь к людям». А 31 мая 2001 года состоялась научно-практическая конференция «Виктор Астафьев: 50 лет в литературе».

10 октября 2000 года Астафьев был последний раз в своём доме в Овсянке.

Скончался в Красноярске 29 ноября 2001 года.

Летопись заканчивается лирическим благодарением жизни и его глубокими мыслями: «Я думаю, что, в конечном счёте, всё же главное вот это – Енисей, берёза на скале, светлая осень, и когда придёт последний час, всё это и будет видением, а не злодеи, лжецы, лицемеры и ворьё...

И спасибо жизни за жизнь, а памяти за то, что она очищает прошлое от скверны» (с. 500).

Уникальность книги В.Г. Швецовой с метафорическим названием «Река жизни Виктора Астафьева» в охвате всего жизненного пути русского классика, который ни в одном из предшествующих изданий в таком объёме не представлен. Составитель с большой любовью к личности писателя стремится донести до читателя не только масштаб личности Астафьева, но и радости и печали, тяготы и заботы, творческие муки и сомнения, его большое жизненное любие. Книгу можно поставить в ряду с работами из серии «ЖЗЛ», только выполненную в своеобразном жанре публицистического эссе. Она открывает новые возможности будущему углублённому изучению творчества Астафьева.

Н.М. Щедрина

НАШИ АВТОРЫ

Барышева Юлия Николаевна – аспирант кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых; e-mail: ulia_bar_43@mail.ru.

Богданова Маргарита Александровна – соискатель кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: margaritabogdanova@yandex.ru.

Васильева Ольга Николаевна – аспирант кафедры общего языкознания Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы; e-mail: plomien@mail.ru.

Гаврилова Анастасия Евгеньевна – соискатель кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, ведущий библиотекарь библиотеки Московского государственного областного университета; e-mail: gavrilovaanastasija@rambler.ru.

Гельт Мария Евгеньевна – аспирант кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; e-mail: maria-gelt@mail.ru.

Дунев Алексей Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка ГПУ им. А.И. Герцена; e-mail: severjanin@list.ru.

Казанцева Ирина Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры журналистики и новейшей русской литературы Тверского государственного университета; e-mail: irina10768@mail.ru.

Канафьева Алевтина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: kafedralekant@yandex.ru.

Капралова Ирина Геннадьевна – соискатель кафедры русской классической литературы, главный специалист Отдела контроля исполнения поручений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; e-mail: kapralova2009@inbox.ru.

Коренева Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; e-mail: yukor74@mail.ru.

Красоткина Екатерина Юрьевна – соискатель кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета, преподаватель русского языка и литературы пищевого колледжа № 33; e-mail: katy-krasotkina@yandex.ru.

Михайлова Ирина Петровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы Курского государственного университета; e-mail: mihailovairin@mail.ru.

Никульцева Виктория Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка, культуры речи и риторики Московского государственного областного университета; e-mail: severjanin@list.ru.

Цзюй Хайна – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Благовещенского государственного педагогического университета; e-mail: moskva20090923@mail.ru.

Щедрина Нэлли Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: schedrina@qmail.com.